

ЕКАТЕРИНА ОЛЕНЕВА

16+

ПРОСТАЯ
СМЕРТНАЯ

Екатерина Оленева

Простая смертная

Серия «Простая смертная», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43419674

SelfPub; 2019

Аннотация

Я не мечтала попасть в жестокий мир магии, страстей и драконов, но так случилось, что скромная школьная учительница оказалась в теле принцессы. Теперь мне предстоит выйти замуж за опального принца. Моего будущего мужа страшатся и ненавидят, он красив и жесток, повелевает драконами. Ни в сластолюбии, ни в жестокости, ни в амбициях – он ни в чём не желает знать меры или сдерживать свои аппетиты. Под силу ли простой смертной укротить Зверя, стать мудрой правительницей и обрести счастье?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	56
Глава 7	66
Глава 8	78
Глава 9	88
Глава 10	100
Глава 11	112
Глава 12	120
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Автор обложки: neangel

Сток <https://www.pexels.com/>

Глава 1

Отодвинув документы в сторону, я бросила взгляд на часы. Четверть восьмого. Мой рабочий день давно закончился. Можно идти домой с чистой совестью.

Набросив своё уютное пальто на плечики, надвинув шапочку на ушки я побрела по утопающему в тени коридору, безрадостно рассуждая про себя о том, что жизнь сложилась трудно и скучно. Я не стала актрисой, топ-моделью или бизнес-леди. Даже торговым представителем или секретаршей у чиновника средней руки стать не посчастливилось.

Я – ничто. Я серая скучная убогость, которую уважает разве что плесень? Я гроза юности и дурное воспоминание зрелых лет – я учитель. Ага. Истории. В смежной специализации – обществознание. И диплом у меня, к слову, красный. И квалификация – высшая, педагогическая нагрузка – две ставки и классное руководство. Для тех, кто в теме, тот поймёт, что этого вполне достаточно для того, чтобы ни на что другое, кроме работы, сил в жизни просто не оставалось. За все мои усилия по обучению наших юных дарований (и прочих оболтусов) я получаю чистыми аж тридцать пять тысяч в месяц, если грязными, то моя зарплата стандартно вписывается в те самые сорок тысяч, о которых гордо рапортуется в статистических финансовых отчётах.

В глазах большинства моих соплеменников я «серый

неудачник». Так изволили охарактеризовать нас с коллегами один из чиновников. И работаю я в обычной «серой» школе, отстроенной ещё при «совке», где-то в начале семидесятых и с тех пор особо ничего кардинально в себе не поменявшей.

День на день не приходится, потому что разные бывают классы. Сегодняшний день был сложным. Ребята в классах, как на подбор – ничем не заинтересуешь. Не интересна им история вместе с её давно ушедшими событиями, историческими лицами. Да и современность с её реальностью тоже не интересна. А что интересно? Секс интересен. Алкоголь интересен. И выяснения отношений – кто круче.

Коротко: шмотки, тусовки, весёлое времяпровождение. И на уроках несчастные мои подопечные отбывают наказание. И я вместе с ними.

Уже не раз я задумывалась, что неплохо было бы поменять работу. И пару раз даже писала заявления. Но директор чуть ли не со слезами умоляла остаться – основной преподавательский состав люди в основном пенсионного возраста. Им даже отрабатывать две недели ненужно, чтобы покинуть «чудный храм науки». Молодежь в очередь на трудоустройство не то, что не выстраивается, но даже близко к школе не подходит, а случайно залетевшие энтузиасты больше года, как правило, не выдерживают. Так что в школах безработица не ощущается даже в кризис – здесь вечный кадровый голод.

Обычно взывания директора к моей совести вкупе с обещаниями повысить зарплату имели воздействие – я соглаша-

лась остаться ещё на немного. Но вскоре начинало казаться, что никакой добавки к зарплате недостаточно.

Школа и сад – первые ступени, колыбель общества. И именно здесь становится особенным очевидным его болезнью, и судя по тому, что творится в последнее время, в нашем государстве онкология. С каждым годом всё явнее и ярче несёт запахом разложения – не столько от детей (дети всё равно чище всего того, что нас окружает на пару-тройку градусов) сколько от родителей. Каждый хочет качать права, никто не желает знать обязанностей. Каждый загнан в угол и крайне зол и ищет, на ком можно сорвать накопившееся зло.

Короче, когда возвращаешься в половине девятого домой, проработав две смены – жизнь боль и вокруг темно. В прямом смысле слова.

– Опять задерживаетесь, Ангелина Владимировна? – поинтересовалась пожилая вахтёрша, Валентина Игоревна.

– Да дела. И дома-то особо делать нечего.

– Ох-ох! – разохалась женщина. – Ты ж молодая, красивая! Мужа бы тебе, деток?

– Ага. Носки, борщи и памперсы. Нет уж, спасибо. И вообще – деток мне и на работе куда-как хватает.

– Эх! Глупая ты. То ж чужие, а свои – совсем другое дело.

– До свидания, Валентина Игоревна, – помахала я рукой на прощание.

– До свидания. До завтра.

– И не говорите. Не успеешь глаза закрыть, как будильник

звенит. Может и не стоит домой идти-то.

Разговор о муже и детках повторялся часто. И не только Валентиной Игоревной. На протяжении последних лет особенно старательные доброжелатели старались даже от слов переходить к делу, знакомили «с хорошими парнями». Убеждали.

Но мне такого счастья даром не надо. В первый раз сама по дурасти в капкан сожительства полезла, второй – повелась на уговоры. Но оба раза закономерно завершились одинаково – пришлось исполнять роль мамы-жены и, по-совместительству, кухарки и домработницы. А, да. И ещё выслушивать длинные списки, что должна делать «хорошая женщина, которая, как в старые добрые времена десятерых в поле рожала». Счастья своего я ценить не умела и слилась побыстрому от такой жизни от моих благоверных в закат. Благо, обошлось без деток и алиментов. Вот у моего брата всё получилось ещё хуже. Жена от него с двумя детьми ушла и теперь он стонет, как осёл, которому не дали морковки, что государство его разоряет на алименты. На двоих сыновей – семь тысяч в месяц. А я, каждый раз слушая его и мамины поддакивания, сгораю от испанского стыда. Но своё ценное мнение держу при себе. Мне мои уши дороги, как и голова.

Короче, свои полномочия по продолжению рода я передала брату. А мне в моей однокомнатной квартирке со всеми удобствами очень хорошо и спокойно. Скуку легко развеивают современные средства коммуникаций, материнский

инстинкт реализуй в школе хоть каждый день – свободный доступ. А с возрастом, когда печалью от одиночества накроет и без мужика станет невтерпёж (что обязательно должно было со мной случиться после сорока лет, по предсказанию многомудрых советчиков) заведу себе кота. Может быть даже трёх. Только обязательно кастрированных. Потому что не люблю, когда эти тряпочные морды гадят в тапки и по углам.

По дороге домой по-быстрому я забежала в магазин, купила нагетсов и салат на развес. Готовить разносолы на ночь извращение, совсем не есть после трудового дня – вдвойне. А так дешёво и сердито.

Зайдя в квартиру, переодевшись в домашнее, я потрусилась на кухню. Кушать хотелось сильно. Как утром кофе попила, во рту и маковой росинки не было. Нырнув в холодильник, обнаружила там оставшуюся со вчерашнего дня картошечку и, не раздумывая долго, отправила её вместе с нагетсами на сковороду. Салатик в мисочку. Вот и ладушки. Ужин почти готов.

Ещё один плюс в пользу свободной жизни – будь семья, муж за такой сиротский ужин сковородку на голову натянет и суд его оправдает. Сама оправдываю. Почти.

Да, ужин холостяцкий, но мне норм. Мне удобно, я довольна – всё очень хорошо.

Доведя ужин до съедобного состояния, прихватив тарелку, я отправилась к любимому ноуту. Тарелка рядом, браузер на весь монитор... рука потянулась к компоту, соскользнула.

Я машинально попыталась поймать, но стакан накренился и с размаху полетел на клавиатуру, нога поскользнулась на мокром полу и поехала в сторону.

Последнее, что я помню, сильный удар по ноге и странное ощущение рядом с сердцем. Будто прямо в грудь вкололи ледокоин, и по тканям разлилось онемение и жжение – одновременно.

Я успела осознать, что происходит что-то страшное, но, откровенно говоря, всё случилось слишком быстро...

Глава 2

Меня привело в себя чувство холода. Холодно было чрезвычайно, но это может быть реакцией на случившееся? А почему я чувствую себя так, будто лежу в снегу? Подо мной словно какая-то липкая куча.

Стоило открыть глаза, как взгляд упёрся в серое небо, с которого сыпалась серая морось.

Между небом и мной вырос рослый мужчина, заслонив собой клубящиеся облака.

– Ваше Высочество, вы в порядке?

Я с удивлением воззрилась на него. Борода, грубая и чёрная, покрывала щёки, а глаза обвело тёмными кругами.

Моё, блин, чё?.. Видимо, не слабо меня током садануло. Вон какие глюки интересные пошли, прямо в кино ходить не надо.

– Ваше Высочество? – кустистые брови сошлись над кривым, словно раньше перебитым, носом. – Вы меня узнаете?

Я попыталась замотать головой, выказывая отрицание, но движение искрами дикой боли отозвалось в затылке. Не сдержав болезненного возгласа, я застонала.

– Вот же гадство!

– Вы что-то сказали, Ваше Высочество?

– Больно!

– Прошу вас, не двигайтесь.

Он легко, словно пушинку, подхватил меня на руки. Перед моими глазами промелькнул небольшой рыцарский отряд в снежно-белых плащах, над чьими головами ветер терребил знамя, где на алом поле стоял на задних лапах золотой змей.

– Ваше Высочество, вам не следовало поступать столь опрометчиво. Вы могли погибнуть.

Не следовало поступать опрометчиво? Я не нашла что возразить.

Я вообще лишилась дара речи от происходящего. Да, я могла погибнуть, потому что пролила на проводку компот и сунула в провода голую ногу... но почему этот странный факт превратил меня в «высочество»? В голове вместе с неприятным звоном стоял тяжёлый туман. А главное, всё происходящее в тот момент я воспринимала как увлекательный сон, который, отчего-то, правда, содержал в изобилии множества деталей и никак не собирался заканчиваться.

Но, с другой стороны, я ж историк, ё-к-л-м-н! Мало ли какие нюансы содержатся в подвалах подсознания. Успокоив себя таким образом, я расслабилась и стала «смотреть» сон дальше.

Меня отнесли к кибитке (назвать это каретой язык даже мысленно не поворачивался) из тёмного дерева и позолоченного металла. Внутри стояли этажерки с углями (я вспомнила! Это жаровни!), дно повозки устилали подушки. Но толку от них было мало. Трясло нещадно. У-у! Моя голова!

– Куда мы едем?

Мужчина с тревогой всматривался в моё лицо. Опустив ресницы, я уперлась взглядом в пышные лазоревые юбки. Я в них на коне скокала? Не мудрено, что спикировала. Ну, не я, а кем там была эта девица, роль которой мне досталась в этом мне? Может, это воспоминания о моей прошлой жизни?

– Мы направляемся в Розовый Замок, ваше высочество.

– В розовый замок? Это мой дом?

Взгляд лихого воина делался всё тревожней.

– В Розовом замке сейчас находится двор Её Величества.

Так, давай, думай, Ангелина, думай! Сопоставляй информацию, делай выводы...

Чёрт! Информации мало. Ладно, Её Величество – это королева, я – высочество, значит, это моя мать? А может быть, старшая сестра? Или – мачеха, что тоже вероятно.

А где Его Величество? Успели скончаться?

– Вы меня узнаете, принцесса?

Как я могла его узнать, если я его не знала?

– Вы начальник моей охраны? – попыталась догадаться я.

– Сэр Баристан Сторлинг из дома Сатерли, капитан вашей личной охраны.

Ценная информация. Может, её к больной голове приложить? Может, полегчает.

– Голова болит, – снова пожаловалась я.

Настолько жалобно, насколько можно. Сериалы мне в помощь о потерянной памяти. Что ещё остаётся?

– Постарайтесь меньше двигаться, принцесса. Как только вернёмся в замок, вас осмотрит лучший королевский лекарь. – О чём вы только думали, когда пытались сбежать?

Я пыталась сбежать?! И куда это бывшая принцесска решила ломануться? Ведь ясно же, что поймают? Хотя, может это было демонстрация характера? Или девушку действительно что-то напугало.

– Я ничего не помню, Баристан, – всхлипнула я.

Вполне естественно. Мне делалось... ну, не то, чтобы страшно, но очень не по себе.

Сон был слишком связный, слишком долгий, слишком последовательный для обычного сновидения. Всё – слишком.

И я начала допускать крамольную мысль, что это вовсе и не сон, а чья-то злая реальность. Ну, может для кого-то не злая, но для меня явно неласковая.

Могла ли *эта* реальность быть действительной? Ну, я отлично помнила рой искр от проводов, затем шок, последовавший за ударом тока. Может ли так случиться, что я умерла? Почему – нет? Да, правда, не было никаких вихрей, тёмных тоннелей с яркой вспышкой света, не было ни Суда, ни ангелов/демонов, ни бога.

Или я всё это забыла.

Если бы я умерла, по-настоящему, я бы это знала, да? Я бы поняла, что со мной что-то не так?

Хотя, я ведь как раз в процессе.

Но, если мне суждено переродиться, разве не должна я бы-

ла бы прийти в новый мир младенцем, постепенно повзрослеть? Почему я сразу взрослая девица? Кстати, сколько мне лет? Ну, не старше тридцати и не младше шестнадцати – точно.

Я твёрдо помнила, что ещё вчера вечером была учителем истории в городе Мухосранске Задрипанской области средней полосы моей необъятной родины. А сегодня – Принцесса-Её-Высочество? Бред. Но бред не прекращающийся.

Я прижала ладонь к голове, которая на самом деле болела ужасно. Наверное, эта принцесса заработала сотрясение мозга, а нескончаемая тряска никак не способствовала тому, чтобы боль, наконец, унялась.

– Не могу даже своего имени вспомнить, – простонала я.

Может, если очень-очень постараться, удастся, наконец, очнуться из забыться? Но, как я ни старалась, ничего не выходило. Чёртова шкатулка на колёсиках, внутри которой меня нещадно трясло, лошадиное ржание, цокот копыт, завывание ветра за тонкими стенами; переливающиеся угольки внутри металлических конструкций, похожих одновременно на кандалы и на стальной цветок – всё было ужасающе реально.

Я провела ладонью по алой бархатной подушке – тактильно ощутила каждое волокно, каждый рубчик. Движение отдалось болью в руках. Я с удивлением воззрилась на белые тряпки, которыми успели пропитаться кровью.

Это что такое?! Принцесса-Её-Высочество пыталась вены

порезать? Они в средневековье так развлекались на досуге? Значит, с лошади она не падала, а сбежала и пыталась покончить с собой? Но – почему? Господи, куда я влипла? А говорят, двумя смертям не бывать, коль одной не миновать?

Лицо мужчины было сурово и серьёзно.

– Боюсь, принцесса, эти игры вам не помогут. Лишь ещё сильнее разозлят королеву.

– Я не притворяюсь. Я действительно ничего не помогу вспомнить.

Чистую же правду говорю. Но стоит сказать правду, тебе, как на зло, отчего-то сразу перестают верить.

– Как меня зовут?

– Анжелика.

Ударение на второй слог, на «е», а не на более привычное для русского слуха «и». Как я вообще понимаю, что он мне говорит? Не на русском же мы общаемся? Ладно, мозг принадлежит бывшей (то бишь настоящей принцессе), он может синхронизировать старые понятия и моё сознание (наверное, может, судя по всему – чисто теоретически можно же выдвинуть такую теорию?).

Раздался неистовый лай собак, визг цепей. Судя по звуку, будто на них кто-то что-то тянул или открывал.

– Вот мы и вернулись. Будьте благоразумны и не перечьте королеве-матери. Она и без того в ярости после вашей последней безумной выходки, – процедил бравый воин сквозь зубы.

А что? С принцессами так можно, да?

Поникшая и с трудом переставляющая ноги я спустилась на землю, опираясь на руку сэра Баристана.

Не успела я выйти из кибитки, в лицо ударил холодный ветер. Это было даже приятно после удушливой духоты. Будто подхваченные ветром к нам подлетели две женщины в тёмных одеяниях, с головой, покрытый причудливыми головными уборами с вуалью, полностью покрывающими волосы.

– Сэр Сторлинг?.. Ваше Величество, вы в порядке? Не представляете, как вы нас напугали.

– Приведите девушку в порядок и подготовьте к встрече с королевой.

– Вы расскажите королеве о том, что я потеряла память?

Даже не знаю, надеялась я на это или страшилась.

– Как вам будет угодно принцесса.

Видимо, все ждали, что я направлюсь в свои покои. Так, кажется. А я стояла, потому что понятия не имела, в какую сторону идти.

А двор был огромный и не то, чтобы очень чистый. Кругом рыцари, кони, кучи конского навоза, снующих туда и сюда людей. Что-то пронзительно визжало – резали что-то или натягивали, не пойму.

– Ваше Величество? – вопросительно взглянула на меня придворная дама.

– Мне что-то не хорошо, – проговорила я. – Помогите мне дойти до моей комнаты.

Суровая леди и не менее суровый воин обменялись взглядами. Что они ими пытались друг друга сказать, я не знаю.

– Конечно, ваша милость.

Обняв даму за талию, я позволила ей увлечь меня за собой.

Глава 3

Меня не покидало чувство, будто я снимаюсь в каком-то сериале сценарий которого мне забыли дать почитать. Моё сознание всё ещё никак не хотело примириться с тем, что всё вокруг не пустая декорация, а новая для меня реальность.

Коридоры и переходы в средневековых замках мне всегда представлялись мрачными, но здесь, несмотря на то, что окна были узкими и длинными, за счёт их огромного количества света хватало даже несмотря на то, что день выдался пасмурным. Вообще, всё было не так уж мрачно. И даже совсем не мрачно. Много различных лесенок и лестниц из дерева, таких ажурных, что случись мне их разглядывать при других обстоятельствах и на здоровую голову, я была бы весьма довольна.

Но сейчас я была рада оказаться на месте.

Комната была богато обставлена. Пол покрывали толстые ворсистые ковры, в обеих углах, справа и слева, стояли ширмы, на которых яркими красками были выписаны экзотические цветы и животные, вроде единорогов. Стены занавесили огромными гобеленами, с изображением какого-то увеселения – бала или праздника, в котором хороводом кружились дамы и кавалеры.

Возле двери, будто сторожа её, стояли бронзовые крылатые сфинкса. Их глаза из алых камней, напоминающих гра-

нат или рубин, мрачно полыхали кровавыми угольками.

Грозная сударыня в тёмном с облегчением сгрузила меня в ближайшее кресло, куда я повалилась, словно куль с мукой, с облегчением вытягиваясь в нём.

– Прикажете позвать фрейлин, ваше величество?

– Я... я не знаю. Мне хотелось бы побыть одной.

– Но вам нужно привести себя в порядок. Не хотите же вы предстать пред королевой в таком виде?

– Ну, если нужно переодеться, тогда лучше позвать служанок...

Хотя, о чём это я? Двойку мне. Фрейлины и есть служанки королевы, именитые горничные, в чьи обязанности помимо того, что они должны развлекать моё высочество входит и банальное прислуживание.

– Случилось несчастье.

– Да, ваше высочество, – как попугай, кивнула леди с суровым лицом.

– Я не знаю, как оказалась в том месте. Это ведь не была банальная конная прогулка?

– Нет, ваше высочество.

– Что вообще случилось? Я ничего не могу вспомнить, как ни стараюсь. Кто вы, например?

– Ваша статс-дама, ваше высочество.

Судя по тону и уклончивому взгляду, суровая леди своей принцессе не верила. Видимо, считала, что та притворяется.

– Как ваше имя?

– Аделаида Уолиш, ваша милость.

Если она к каждому слову станет прибавлять титулы, меня надолго не хватит. У меня случится нервный срыв.

– Хорошо, леди Уолиш. Распорядитесь принести мне что-нибудь горячего. Чай здесь подают?

Леди вскинула на меня удивлённый взгляд:

– Если желаете, вам подадут подогретого вина с пряностями.

– А просто чего-нибудь горячего с пряностями без вина – никак?

– Как пожелаете, ваше высочество.

– Хорошо, ступай.

Как только леди вышла из комнаты, я бросилась к зеркалу, что заметила ещё у входа, только стояло оно так, что с кресла с него было себя не увидеть. Никак. Ну, да, это, наверное, тщеславно, может и глупо, но мне было очень интересно познакомиться с новой собой.

Если это сон, отражения я не увижу. Я была к этому готова. Но я его увидела – в полный рост.

Ну, что сказать? Я очень даже ничего. Без ложной скромности – просто красавица. Невысокая, ниже, чем в оставленной мной реальности, изящная. Черты лица выразительные и мягкие, удивительно гармоничные: широко распахнутые васильковые глаза, прямой, чуть вздёрнутый носик, пухлые губки. Красотке было на добрых лет десять меньше, чем настоящей мне.

Но самый характерной, броской особенностью нового облика были волосы. Лёгкие, длинные, вьющиеся, боттичеллевского оттенка – цвета опавшей листвы, червонного золота, наполированной меди, они вились, закручивались, летели вокруг классически-овального личика.

Вглядываясь в черты моего нового лица, я пыталась угадать, определить черты бывшей его хозяйки. Но всё, что я смогла понять – она была ангельски-прелестна, а теперь всё это милое наследство достаётся мне. Не то, чтобы я была против, но... принцесса, красавица – и всё это мне? Да мне сроду так не везло. Наверняка и в этом подарке судьбы следует ожидать подвоха.

Дверь отворилась. Я обернулась, ожидая увидеть на пороге отосланную Аделаиду с чем-нибудь согревающим в руках, но на пороге возникла невысокая, очень красивая темноволосяя женщина с чёрными, как ночь глазами, ярким алым ртом и смоляными волосами. Тонкие брови её гневно сошлись на переносице, а губы было плотно, упрямо сжаты. Весь облик женщины выражал гнев и недовольство.

Она только вошла в дверь, но даже и не подумала запирать их за собой. За ней, как тени, верно следовали стражники.

– Оставьте нас, – тихим, но непреклонным голосом повелела властная незнакомка.

Стражники беззвучными тенями испарились за её спиной, а створки тяжёлых дверей закрылись словно под дуновением магии.

Я молча стояла в ожидании дальнейшего развития событий. А что ещё я могла сделать.

Признаться, я могла ожидать чего угодно, но не того, что, подскочив ко мне с проворством змеи темноволосая ведьма отвесит мне такую пощечину, что искры из глаз пошли едва ли не в прямом смысле слова. Не знаю, как я сдержалась и не ударила в ответ. Терпеть подобного рода обращения совсем не в моём характере. Ну, ладно, я же не знаю, за что огребают прекрасная девушка оплеухи и кем приходится ей разгневанная дама. Может быть – мать? Может, за дело?

– Что ты себе позволяешь, Анжелика Валери? – даже в её голосе было что-то змеиное. Она не говорила, а шипела, тихо и гневно. – Что за нелепые выходки? Ты хоть понимаешь, *что* стоит на кону? Или ты хочешь, чтобы нас всех тут спалили живьём?

Мне уже и самой искренне интересно, что же такого натворила моя предшественница.

– Так и будешь стоять и молчать?

Судя по взыскательному и суровому взгляду, ответа моя гневливая собеседница собиралась дожидаться в любом случае. Так что пришлось отозваться:

– Что вы хотите, чтобы я сказала?

– Ты всерьёз предполагала, что у тебя получится сбежать?

– Почему вы думаете, что я сбежала? – пожала я плечами.

Лицо собеседницы застыло властной и жестокой маской. Явно пребывая в ярости, она сделала несколько решитель-

ных шагов, застывая передо мной карающей статуей. Руки сложены в замок, словно она силилась удержать кипящей в ней гнев, подбородок властно вздёрнут и взгляд острый, как лезвие, словно кожу с лица срезал.

Нет, я что – действительно так сильно накосячила?

– Я слышала, что ты теперь прикидываешься сумасшедшей, Анжелика? Можешь делать, что угодно, но поверь, тебе это не поможет. Тебе придётся выйти замуж за Эйвила Санистора и никакие жалкие увертки тебя не спасут.

– Вы считаете, меня нужно спасти? – с лёгким сарказмом поинтересовалась я.

– Ты смеешь мне дерзить?

– Я всего лишь спрашиваю ваше мнение.

– Я отучу тебя от этой дрянной привычки. Стража! – крикнула королева. – Введите Турхан Бэш!

Два стражника втащили упирающуюся девушку. При взгляде на её лицо я едва сдержала крик возмущения – оно всё было сплошной синяк и кровоподтёк. Правый глаз почти полностью закрылся от опухоли, а губа спеклась от кровавой корки.

– Что вы с нею сделали?! – я даже и не думала изгонять из своего голоса возмущения. – Что вы себе позволяете?!

– Что я себе позволяю? Что я с ней сделала? Это ты втянула её в свои авантюры и то, что я сейчас сниму с твоей служанки шкуру живьём – целиком и полностью твоя вина.

Судя по тому, как испуганно забились в руках удержива-

ющих её солдат, девушка, угроза была отнюдь не пустой.

– Стоит отдать твоим слугам должное, Анжелика. Они верны. Но твоя Турхан поплатится за свою несговорчивость. Эсений!

В дверях помимо стражников и несчастной служанки собралась приличная толпа, в которой мне было знакомо лишь два лица: леди Аделаида и капитан Баристан.

– Принесите щипцы.

– Нет, госпожа! – взывала несчастная избитая девушка, с дикой мольбой глядя на меня. – Пожалуйста! Пощадите!

– О! Да у тебя язык развязался, – язвительно прошипела злая ведьма в зелёном платье. – Поздновато, милочка. Придётся с ней расстаться.

Один из стражников, уже не знаю, рыцарь он там он был или простой солдат, вошёл в комнату, наперевес держа огромные щипцы.

– Довольно! – не выдержала я. – Прекратите это немедленно!

– Что ты сказала? – обернулась на меня дама в зелёном, и её гневливые брови ещё сильнее изломились, сходясь на переносице почти в единую линию. – Как ты смеешь перечить мне, девчонка?

Я испытывала к этой особе, что видела перед собой впервые, глухую ненависть и глухую убеждённость, что моя предшественница к ней тоже далеко не благоволила.

– Я осмеливаюсь перечить по одной простой причине –

вы пытаетесь искалечить ни в чём неповинную девушку.

– Она потворствовала твоей дикой затее и покрывала тебя.

– Выходит, верно мне служила? И я буду плохой госпожой, если позволю в моём присутствии вырывать языки у людей, повинных лишь в исполнении своего долга. Считаете, что я не права? Попробуйте вырвать язык у меня.

Атмосфера в комнате накалялась. Кроме меня и моей противницы никто не осмелился произнести и слова, но я сердцем, кожей – шестым чувством чувствовала, – симпатии на моей стороне. Как и надежда, что девушку в итоге пощадят.

Господи, как же тяжело вести переговоры, когда понятия не имеешь во что играешь, каковы правила, козыри и расклад.

Я повернулась к стражникам и проговорила со всей решимостью, какую смогла из себя выдавить.

– Отпустите девушку немедленно.

Стражники не спешили подчиняться, вопросительно глядя на даму в зелёном.

– Если вы вынудите меня повторять приказ, боюсь, мне придётся запомнить ваши лица и имена, господа. И в дальнейшем проявить к вам злопамятность.

Красавица в зелёном платье подскочила ко мне. Лицо её было искажено такой ненавистью и яростью, что я даже испугалась – в моей прошлой жизни я таких проявлений эмо-

ций у людей попросту не встречала.

– Думаешь, твоя дерзость и наглость, принцесса, поможет тебе? Вместо того, чтобы просить прощения...

– Я не помню ничего из случившегося. Не уверена, что просить прощения должна я.

– Ах, ты не помнишь?! В таком случае я напомним! – язвительно проговорила дама, явно не поверив не единому сказанному мною слову. – Ты сбежала! Подло сбежала из столицы, поставив под угрозу нас всех!

– Сбежала? – я была искренне удивлена.

Замок, в котором мы находились, как-то не ассоциировался с королевскими дворцами. Обычный замок феодала, но королевские дворца окружали города, а не леса.

– Почему я сбежала?

– Хватит прикидываться! Ты сбежала накануне свадьбы! Прекрасно понимая, что твой отец придёт в ярость и его гнев, в первую очередь, падёт на меня!

Ничего подобного я, по естественным причинам, не понимала. Но мой мозг начал набрасывать варианты. Судя по всему, стоявшая передо мной дама – королева-мачеха, вторая жена моего отца, отсюда небольшая разница в возрасте между нами – незнакомке было никак не больше тридцати, скорее всего лет двадцать шесть-двадцать восемь. И именно ей поручили заботу обо мне. Как бы не любили короли своих вторых молодых жён, дочерей со счетов сбрасывать не стоит. Мой статус, как королевской дочери, явно выше, чем статус

второй королевы. Особенно теперь, когда я ещё и невеста.

Именно этим объяснялось то, что несчастной служанки всё ещё не отрезали язык.

– Отпустите девушку немедленно, – спокойно и властно приказала я, сама себе удивляясь.

Хотя, ученикам, вставшим на голову от проказ, чтобы уговорить, каким только тоном говорить не приходилось.

– Это мой дом, моя земля, – продолжила я идти ва-банк (ну не побежит же принцесса к соседу? Скорее всего, она пыталась скрыться в месте, что считала для себя наиболее безопасным). – И распоряжения здесь отдаю тоже я. Если хоть один волос упадёт с головы моей любимой служанки, я велю моим рыцарям обнажить мечи, и тогда сложившийся скандал вряд ли удастся замять?

Дама в зелёном тяжело дышала, сжимая маленькие изящные пальчики в кулаки. Её душила ярость, но, судя по тому, что выхода она ей давать не спешила, я была на верном пути.

– Пришлите лекаря, чтобы помочь несчастной девушке. Пусть промоет раны на её лице.

– Лекаря в замке нет, миледи, – отозвался сэр Батистан.

– Можем прислать травницу-знахарку, – подала голос Аделаида.

– Хорошо, – согласилась я. – Пусть будет травница.

– Я не давала приказа. Только я могу приказать *своим* людям отпустить *твою* служанку.

Я в свой черёд шагнула к даме в зелёном, продолжая и

поддерживая противостояние, которое явно началось до моего появления в этой истории.

– Чего вы добиваетесь?

Расстояние между нами оставалось не больше метра, и атмосфера уплотнилась так, что ещё немного и молнии засверкают.

– Зачем вы здесь?

– Вам прекрасно известно, зачем, принцесса Анжелика. Вы должны вернуться во дворец, в столицу как можно скорее. До того, как шпионы успеют доложить о вашем бегстве нашим врагам.

– Если я скажу, что согласна, это упростит дело?

Судя по тому, как невольно зашевелились все вокруг, такого поворота никто не ожидал. Ни друзья, ни враги.

– Ты готова вернуться? – недоверчиво взглянула на меня противница.

– Готова. При условии, что никого из моих людей не будут больше мучить и пытаться.

– Нет, миледи! – вскричала несчастная избитая девушка с таким отчаянием, что я даже засомневалась.

Блин, на что я только что подписалась?

– Даёшь мне слово, Анжелика? – довольно проговорила красивая и злая дама в зелёном и гневливые морщинки на её лбу почти разгладились.

– Да.

– Опустите девушку. Сегодня можешь отдохнуть, – мило-

стиво кивнула она мне. – Возвращаемся завтра утром. С вашего позволения мы оставим вас, принцесса?

Я молча кивнула.

Во взгляде Аделаиды я читала жалость и сомнения в правильности моего решения, но сэр Баристан покивал своей седовласой, уже начавшей плешиветь, головой:

– Вы приняли абсолютно правильное решение, ваше высочество.

– Правильное? – всхлипнула женщина. – Это решение может обратить её жизнь в ад.

– Если принцесса не выйдет на принца-отщепенца замуж, это может стоить жизни половины подданных в нашем королевстве. Я видел, что этот изверг творит с теми, кто ему не подчиняется. Пустых угроз он на ветер не бросает.

Я молча выслушала их обмен любезностями.

– Леди Уолиш, позаботьтесь о том, чтобы моё горячительное питьё было, наконец, подано. Как мы с вами и договаривались.

– Да, ваша милость.

– А вы, сэр, задержитесь. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Конечно, моя госпожа.

На самом деле вопросов было не несколько, а много. Я твёрдо была намерена разобраться в том, кто в этой истории кто, чего хочет и что, в итоге, потребует от меня.

Идти вперёд вслепую не лучшая стратегия. Всегда пред-

почитала ясность.

Глава 4

Бравый вояка был уже в летах, а сегодняшний день, судя по всему, выдался утомительным. Он осунулся и была заметно, что оставаться на ногах ему тяжело. Да и приятнее вести беседу, когда глаза собеседника находятся на одном уровне твоего взгляда, а не выше.

– Сделайте одолжение, мой старый друг, – проговорила я, – поставьте ваше кресло ближе к огню и присядьте.

– Я не смею, ваша милость...

– Сядьте, – боюсь это прозвучало жёстче, чем мне самой того хотелось. – Прошу вас. Я хочу побеседовать с вами как со старым другом, которому я могу доверять. А ведь я могу доверять начальнику моей личной охраны, правда?

– О чём речь, ваше высочество? Если вы мне не доверяете, то зачем мне занимать мой пост?

– Логично. А теперь выполните мою просьбу.

Не говоря ни слова, сэра Баристан подчинился.

– Что вы хотите, принцесса Анжелика? Я люблю вас всем сердцем, ведь служу вам с тех пор, как вас, совсем ещё маленькой девочкой, поручили моим заботам. Но я человек чести и не пойду против долга...

– Я часто просила вас сделать что-то такое, что противоречит тому или другому? – холодно взглянула я на него.

– Нет, ваша милость.

– Всё, что мне нужно – это ответы.

– Какие ответы? – обескуражено взглянул он на меня, нервно расстёгивая несколько верхних пуговиц на своём акетоне – стёганном доспехе, который, если память мне не изменяет, раньше набивали конским волосом или паклей.

– Я не лгала, утверждая, что память мне изменила. Не знаю, что я пыталась сделать, куда и зачем бежала, но результат печален.

– Это было predeterminedено с самого начала, ваше высочество, но вы же всегда поступаете по своему разумению, не желая слушать добрый совет.

– Кто была эта женщина?

– Какая женщина? – в его глазах паника сменялась подозрительностью и обратно. – Вы же не про Её Высочество спрашиваете? Не могли же вы забыть её?!

– Может, и не могла. Такое забудешь! Но я справилась. Как её зовут?

– Олиера.

– Она моя мачеха?

– Леди Олиера Висконти четвёртая по счёту супруга вашего достопочтенного батюшки.

Леди Олиера? Не припомню в прошлом никого с таким именем.

– А как зовут моего достопочтенного батюшку?

– Ваш батюшка, король Зигмунд III, божьей милостью.

Зигмунд? Зигмунды были королями в Германии и Поль-

ше, но ни у одного из тех, что приходили на ум, не было жены Олиеры и дочери Анжелики. Если только я окончательно не сошла с ума. Судя по всему, меня не просто в прошлое занесло, меня занесло в прошлое неизвестного мира. Что б его!

– Мой батюшка был женат четыре раза? У него есть дети кроме меня?

– Да. От брака с леди Олиерой у него есть дочка, ваша единокровная сестра принцесса Терезита.

Классно. Брата нет.

– А моей матушкой была первая королева?

– Да, ваша милость, ваша матушка, упокой господь её душу, была замечательной королевой. Но, к великому горю вашего отца и его несчастных подданных, она скончалась, производя на свет вашего младшего брата.

– Значит, у меня есть брат?

– Нет, госпожа, – судя по голосу, в котором удивление мешалось с возмущением и страхом, мой несчастный капитан не знал, что и думать о таких расспросах. – Ваш брат умер совсем ребёнком, подхватив драконью оспу.

Картинка вырисовывалась. Судя по всему, я, по праву первенства рождения, должна была наследовать трон вслед за папенькой. Если только злая Зелёная королева не настрогает ему отпрысков-принцев.

Так, стоп! О чём это я думаю. Я не я. Трон не мой. И думать об этом глупо, поскольку перспектива дальняя и туман-

ная.

– Не трудно понять, что с леди-королевой мы в контрах.

– Что, простите? Я не слишком хорошо понял вас, принцесса?

– Лучше расскажите мне, что там за история со свадьбой?

Вроде бы все монаршие особы выходят замуж, поздно, но чаще всего – рано. С чего бы мне убегать?

– Наконец-то я слышу речь, достойную моей госпожи!

– Лучше не слушай, а ответь, пожалуйста, на мой вопрос.

Представь, то перед тобой не твоя принцесса, а какая-нибудь девушка-иномирлянка, которая во всё вашем винегрете разбирается очень плохо...

– В винегрете?.. Каком винегрете, ваша милость.

– Забей!

– Кого? – с энтузиазмом откликнулся старый воин к моему величайшему отчаянию.

К нашему общему облегчению дверь в очередной раз распахнулся и вошла та девушка, Турхан. Она уже успела переодеться и что-то сделать со своим лицом, что оно теперь выглядело гораздо лучше. Как это у неё получилось? Даже со всеми современными маслами-притираниями-бадягами в современном мне мире ушло бы недели две, чтобы свести те фиолетовые подтёки и отёки, что были на её лице.

В руках девушка держала поднос, на котором стоял кувшин и два серебряных кувшина.

– Разрешите войти? – тихим голосом поинтересовалась

девушка.

– Входи, Турхан. Поставь поднос и можешь быть свободна, – кивнул старый солдат, наверняка «не знающий слов любви».

Девушка выполняла его распоряжение, но не ушла, а остановилась передо мной, глядя на меня огромными, полными печали и тревоги глазами.

– Ваше Высочество, не уделите ли вы мне совсем немного времени?

– Что ты себе позволяешь, девчонка? – буркнул сэр Барристан. – Тебе мало неприятностей?

Но я остановила начало его гневной речи, вскинув руку. Кажется, видела этот жест в каком-то сериале? Или это просто физическая память тела.

– Всё в порядке, мой верный рыцарь (я сама с некоторым удивлением слушала собственные слова. Ещё одна память?). – Нам действительно нужно поговорить. Оставьте нас.

Ну, да. Я последовательно. То останьтесь, то оставьте. А чего вы хотите от травмированной женщины?

Турхан метнулась за ним стрелой, и с кошачьим проворством заложила дверь огромным засовом. Чтобы отпереть такой, потребовался бы небольшой отряд рыцарей. Да и то не факт.

Потом с такой же поспешностью девушка вернулась назад, опасливо заглядывая мне в глаза.

– Моя госпожа, вы в порядке?

В следующее мгновение она опустилась передо мной на колени, схватила край моего платья и прижалась к нему губами.

– Что ты делаешь? – изумилась я.

– Благодарю вас за спасение моей жизни и за ту великую жертву, что вы принесли ради недостойной служанки.

Бедняжка! Она понятия не имела о том, что никакие жертвы мной не подразумевались.

– Ты знала, куда я направляюсь, Турхан?

Девушка непонимающе на меня взглянула.

– Я не лгала, когда говорила, что потеряла память. Ты знаешь, зачем я пошла на то место?

– Вы пошли на встречу с ведьмой Чёрного Леса, госпожа. Она заверила вас, что поможет вам сбежать от Порочного принца в далёкие-далёкие края, откуда никто, и даже ваш отец, не смогут вас достать.

– Что ты сказала?.. Ведьма? Ты это всерьёз?

Изумление и испуг. Почти такие же, как в глазах капитана.

Ноги сделались словно ватными, тело будто превратилось в воду, и я бессильно осела обратно в кресло, из которого поднялась за минуту до этого.

– Вы заплатите старой мошеннице полновесной монетой, миледи, вызвали гнев королевы, и в результате... я же предупредила вас, не стоит доверять ей! Но вы меня не послушались.

Старая мошенница как раз никого не обманула. Похоже, её задумка удалась, и настоящая Анжелика получила, что желала. Хотя, конечно, не совсем то. В моём мире её ждёт не меньший шок, чем меня в – её. У меня впереди свадьба с каким-то Порочным Принцем, а у ней – аккредитация и ОГЭ с ЕГЭ в девятом и одиннадцатом классе. Если подумать, то у меня лучше – в конце концов свадьба – это весело.

Наверное.

– Что за Порочной Принц? Рассказывай.

В течении следующих пару часов я пыталась несчастную девушку вопросами и терпеливо выслушивала рассказы и ответы. В итоге мне удалось составить общую, весьма приблизительную картину мира, куда я попала.

Средневековье – это феодализм. Феодализм – это бесконечная борьба за власть и престол, интриги и заговоры. Не видя перед собой даже плохонькой карты, трудно сказать, сколь велики были земли моего отца, но судя по всему, королевство, что должно было отойти мне в наследство, было средних размеров. Определённо, не Россия и не США, может, и на Германию с Францией не потянет, но нечто вроде Испании или Италии. Приличный такой кусик для человека средних амбиций. Хотя, если вспомнить, чем в своё время была католическая Испания, перед которой дрожали и Англия, и Франция, то тут вопрос спорный.

Короче, у папеньки королевство средних размеров. В своё время оно было частью чего-то большего, входило в состав

Общего королевства Оруэл, будучи лишь его частью, как любая федерация в Российском государстве, только вместо губернаторов на местах правили князья-лорды.

Как это обычно бывает, пока у центра железный кулак и стальные яйца, всё идёт хорошо. Но, исторически так часто случается, что, когда всё долго идёт хорошо, кулак слабеет, мышечная масса теряется, властители вырождаются, делаются ни на что не способны. И вместо того, чтобы действовать в одних, общих интересах, каждый желает оторвать кусок пирога побольше лишь для себя.

Вызрел заговор. Законных представителей когда-то сильной династии вырезали почти всех под ноль. Общее тело государство нарезали на отдельные пироги-ломтики, бывшие князьки натянули на головы королевские короны и после небольшой революционной смуты и потрясений наступило относительное благополучие на следующие пятьдесят-шестьдесят лет.

А потом прилетел кармический бумеранг. Вроде всех представителей королевской династии Санисторов извели под корень, но проявили халатность и кого-то там в младенчестве не дорезали и вот результат – Порочный Принц явился из-за какого-то дальнего моря-океана, названного в одних источниках Чёрным, в другом Отравленном (я так поняла, на дне этих морей не стихает вулканическая деятельность и выделяются серные газы). И этот самый принц желал немного-немало – вернуть себе корону и собрать девять маленьких

королевств в одно большое.

Поначалу никто всерьёз его притязаний не воспринял. У опального, как его называли, принца, не было регулярной армии. Всё, что у него было это друг-чернокнижник и два дракона. Вернее, дракон и драконица.

На первое послание принца один из королей «Вольных городов» ответил насмешкой. И горько поплатился. Как только драконы поднялись в воздух, стало ясно, что армия принцу не нужна. Столицу он обратил в пепел, не моргнув глазом и без лишних угрызений совести перебил кучу народа. Напуганные жители сами спеленали своих знатных лордов (откровенно говоря сомневаюсь, чтобы простонародье так уж сильно было к ним привязано) и передало в руки узурпатора. Хотя, если подумать, какой же Порочный принц узурпатор? Как раз законный правитель. Беру своё – неважно какой ценой.

Знатных лордов скормили драконам живьём. Говорят, это было прям ужас-ужас. Драконы их не спалили, а именно что рвали живьём. Исходя из этого, полагаю, что в те времена они были не так уж велики.

Но «те времена» случились лет шесть-семь назад. С тех пор принц присоединял к своему королевству то одно бывшее княжество, то другое. Поначалу всё-таки приходилось устраивать показательные боины, но чем дальше, тем легче – так уж утроены люди, идти на верную смерть мало кто хочет. Да и зачем это людям?

Пресытившись завоеваниями, Принц стал жениться, приживляя территории через династические браки. Только вот ведь незадача – он уже трижды был женат, и все его жёны не могли прожить дольше года. И все умирали при странных обстоятельствах – несчастные случаи. И все были связаны кровными узами с теми, кто некогда убивал Санисторов.

В своё время дедуля Анжелики, будучи молодым и красивым, изнасиловал и лично убил одно из принцесс династии, когда девушка наотрез отказалась выходить за убийцу отца и братьев замуж.

Предложение руки и сердца, что получил мой отец от Порочного Принца, было сделано весьма в демонстративной форме – либо отец отдаёт ему дочь, либо принц силой берёт столицу, и всё королевство в придачу.

Ну, а дальше помните, как в старой доброй русской классике:

«Ну и какая же мать
Согласиться отдать
Своего дорого ребёнка –
Медвежонка, слонёнка, зайчонка?
Чтоб ненасытное чучело
Бедную крошку замучило?
**

Плачут они, убиваются
Но с малышами прощаются».

Отец попытался заручиться хоть чей-нибудь поддержкой, но желающих выступить единым фронтом за прекрасную принцессу против жуткого дракона не нашлось.

И милая Анжелика Ванхелия, дочь короля Зигмунда III была обречена повторить судьбу троих своих предшественниц. Ну, и драпанула к ведьме за помощью, прихватив мешочек с драгоценностями, которыми щедро расплатилась за услуги.

Турхан считала, что зря. А я понимала, что план великолепный. Анхелика действительно сбежала с гарантией, что никто не будет её искать, а мне теперь расхлёбывай эту кашу.

Что я там говорила насчёт «свадьба интересней аттестации»? Я ошибалась. Верните меня обратно.

Кстати, о «верните меня обратно», раз я в своём мире не умирала, может быть, не всё ещё потеряно и всё можно переиграть? На мгновение я почувствовала дикое воодушевление, но потом поняла, что, ведьма-то явно не дура и понимает, что рано или поздно её вновь притащат во дворец с просьбой всё переиграть. Согласится – столкнётся с гневом подлинной Анжелики, не согласится – я ничем не хуже.

Скорее всего её и след простыл.

Турхан подтвердила правильность моих сомнений, сказав, что сама она ведьмы никогда и в глаза не видела, и кто отвёл принцессу к старой карге – тоже не ведает.

Короче, всё не айс. Кажется, придётся идти замуж. Я всегда так надеялась этого избежать, и в страшном сне не виде-

ла, что вот так придётся, под угрозой стать барбекю на драконьем пламени.

Ну, будет надеяться, жених хоть симпатичный. Хоть люблюсь перед смертью.

На самом деле ощущение, что всё не всерьёз, не на самом деле, что я попала в увлекательную сказку, да ещё на главную роль туманило мой мозг словно дым конопли. А с другой стороны, может быть, это и к лучшему. Потому что объективно, изменить ситуацию я не могла, но новизна и сказочность всего происходящего сластили пилюлю и наполняли голову несвойственной мне легкостью, не хуже алкогольных паров.

Глава 5

Утром, не успело солнце взойти, обоз тронулся в путь.

Мне подвели серую, в яблоках, лошадку, с тонкими, как струна, ногами и мягкой длинной гривой. Она была очаровательно и откликалась на кличку Ромашка, и у неё были чудесные длинные реснички на глазах, правда, заметить их можно было лишь подойдя очень близко.

Её Высочество королева Олиера уверенно двинулась в сторону вчерашней повозки.

– Почему я не могу поехать в возке? – нервно спросила я.

– Миледи, – поклонился мне конюший, державший лошадь в поводу, – вы в полном праве путешествовать так, как вам угодно. Но, поскольку раньше вы всегда предпочитали верховую езду...

– Помогите мне подняться в седло, – холодно прервала я его, пылко молясь про себя о том, чтобы не опозориться и не свалиться неуклюжем мешком на землю, к ногам угрюмого юноши.

Волнуясь, я подобрала узду и вставила ноги в стремяна.

К моему удивлению, сесть в седло оказалось не так уж и сложно. Это тело явно было куда тренированней моего и мышцы помнили, как действовать, даже под управлением чужого сознания. Вот ещё одно доказательство того, что наш мозг во многом похож на компьютер, он выполняет некото-

рые программы сам, по умолчанию и является хранилищем памяти. Сознание способно пользоваться базовыми установками, но само оно существует словно над мозгом.

Моя лошадка взяла с места плавно да гладко, рядом со мной, чуть придерживая своих рысаков, двинулись два других рыцаря. Я обнаружила, что несусь быстрее, чем предполагала, но, вопреки собственным опасениям, эта скорость не пугала, а веселила. Я словно летела и ветер свежей струёй бил в лицо. Лошадь была отлично выезжена. Малейшего касания ногами или движения удилами было достаточным, чтобы перейти с рыси в галоп и обратно.

Но то, что началось подобно сказке к вечеру обернулось мукой и страданиями. Мне казалось, я умру. Я вообще не думала, что можно до такой степени стереть свою пятую точку. Седло натёрло на ягодицах кровавые мозоли. Бёдра и руки были стёрты в кровавые пузыри, мышцы на спине, руках и ногах ныли невероятно.

Но в такой усталости были и свои плюсы – пламенеющая болью попа отвлекает от всякой навязчивой или горькой мысли. Я не могла думать ни о чём другом, кроме как ванне и мягкой кровати.

Но в комнате меня уже поджидал король-отец. Никем другим, кроме как королём Зигмундом III этот человек быть не мог.

Кстати, видимо, другие Зигмунды были из другой династии. Или всех мужчин в этом роду по мужской линии звали

Зигмундами, что, конечно не исключено.

Мужчина был невысок, коренаст и представительен. Большой крючковатый нос выдавал в нём властную натуру, склонную к анализу и умозаключениям, чётко очерченный рот говорил о решительности, а скорбно опущенные уголки губ и бровей о том, что пережил он в своей жизни немало. Судя по остаточной памяти и симпатии к этому человеку, Анжелика отца любила.

Он выглядел скорее расстроенным, чем рассерженным нашим отсутствием.

– Анжелика, – шагнул он ко мне и обнял прежде, чем я успела растеряться или задуматься о том, что принцессам полагается сделать по этикету, встретив отца-короля на пороге своей спальни. – Как вы напугали нас, дочь моя! Чего вы хотели достичь столь опрометчивыми действиями?

– Не сердитесь, государь. Я всего лишь хотела проститься с родными краями, ведь у меня мало шансов увидеть их вновь.

– Не говори так. Ты разрываешь моё сердце. Посланники принца Санистора заверяли меня, что тебе не причинят вреда.

– Думаю, что другим своим невестам он обещал тоже самое.

– Он получит корону моих земель только тогда, когда станет отцом моих внуков! И если хоть волосок упадёт с твоей головы, даже его драконы не смогут его спасти!

– Уверена, если бы вы могли остановить этого человека, вы постарались бы избежать этой свадьбы, отец?

– Но почему же? Девушки должны выходить замуж. Такова божья воля. А чем плох Эвил Санистор? Он молод, хорош собой...

– И уже успел похоронить трёх жён. У меня есть все шансы пойти той же дорогой.

Я отметила, что король не назвал моего жениха принцем. По идее и правильно, какой же он принц, если уже успел поработить три части из девяти от своего давешнего королевства? Он не принц, он король Санистор.

– Дорогое моё дитя! Ты радость моя, моя красавица, дочь моя. Ты должна понять, всё что я делаю, я делаю ради будущего. Твоего, твоей сестры – нашей династии. И будущего нашего многострадального народа. Ради всеобщего блага ты должна выйти замуж за Порочного принца Эвила Санистора, сына наших заклятых врагов, ненавидящих нас и жаждущего мести.

«Ты белая овца на заклание, смирись и гордись», – слышала я подтекстом.

– Что вы такое говорите? – сказала я вслух. – Ведь это ужасно! Вам легко говорить – ради всеобщего блага! А какого мне? Я вовсе не испытываю желание принести себя в жертву, отец и, полагаю, никто подобной жертвы даже не оценит! Неужели вы меня совсем не любите, что добровольно отдаёте на смерть?!

На мгновение лицо короля дрогнуло, но в следующую секунду он словно надел маску, под которой скрыл все свои чувства.

– Анжелика, успокойся! – властно потребовал он. – Всё уже решено и ничего не изменить. Против армии нечисти и двух драконов, чьё пламя воистину бесконечно, что сумели ощутить жители двух соседних королевств на своей шкуре, нашей армии не выстоять. Твоя свадьба с принцем наш единственный шанс.

– Ваш, возможно. Но не мой, – отрезала я.

– Может быть, тебе удастся...

– Что? Что, отец, мне удастся? Выжить?

– Привязать этого человека к себе.

– Вы сами не верите тому, что говорите, – с презрением скривилась я.

Мужчины такие мужчины! В любом мире думают только о себе и готовы пожертвовать своими детьми ради собственной жизни, разменять своё дитя на похоть. Мой родной отец именно так в своё время и сделал. Бросил и меня, и мать, и брата. А потом, получив коленом под зад, приполз, а мать его приняла. Всем сказала – ради детей. Но дети тут не при чём. Ради себя она его приняла, ради того, чтобы штаны на диване лежали. И никому от этого хорошо не стало.

Ну, ладно! Спасение отечества от злого ворога на драконе несёт оттенок жертвенности.

– Если бы я могу выйти за него замуж вместо тебя, я бы

сделал это, но ты ведь понимаешь, что это невозможно.

Может, пока не поздно, навести тут законы толерантности? И пусть мужчины любят друг друга во имя спасения государственности и во славу монархии? А я так, рядом у трона постою. Но вездесущая интуиция подсказывала – номер не прокатит.

– Ты же понимаешь, что это вовсе не моё желание, Анжелика? – нахмурился король-отец.

– Но мне от этого не легче! – на повышенных тонах отозвалась я.

– Анжелика! – король крепко схватил меня за руки, цепким взглядом нацелившись мне в лицо и от его взгляда мне было никак не укрыться. Он приковывал к себе внимание, держал, не давая отвести глаз. – Дочь, неужели ты думаешь, что я могу желать тебе зла?

А чего нет? Всё, что угодно могло быть. Я, вообще-то первый раз видела перед собой этого дяденьку. Но ведь если начну истерично голосить что я не я, только хуже станет. Даже если сочтут сумасшедшей, всё равно замуж выдадут. Даже с более лёгким сердцем.

– Больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива. Слова-слова!

– Хотите, чтобы я была счастлива? Тогда спасите меня от этой участи! Вы же король и отец! Разве это не ваш долг как моего повелителя, покровителя. Разве мужчина не должен защищать своих женщин?!

– Ради всего святого, не выдавайте меня за этого человека! Вы же понимаете, что эта свадьба всё равно что смертный приговор!

И снова лицо короля дрогнуло, но в следующее мгновение уже вновь затвердело:

– Даже если мы решимся выступить, это ничего не решит. Никто не в силах противостоять Проклятому и его Черно книжнику. Мы наверняка потерпим поражение и после этого ни у кого из нашей семьи не останется шанса на спасение. Санистор не берёт пленных. Ты ведь не хочешь смотреть как твоих сестёр пожирают драконы? Не хочешь сама стать кормом для этих чудовищ?

Пусть лучше сожрут одну меня, чем всю семейку? Ну, в этом есть определённая логика, правда, для меня неутешительная.

– Будь уверена, дочка, я всё сделаю для того, чтобы обезопасить твою жизнь.

Хорошо бы этого было достаточно.

– Дочка, не отчаивайся. Может быть в итоге всё сложится к лучшему для всех. Даже для тебя самой. Когда порочный принц подчинит себе все земли, что когда-то принадлежали династии Санистор, ты будешь королевой, а не одной из княгинь. Ведь здесь, при дворе, у тебя слишком много врагов. Но когда твоим мужем станем Порочный Принц кто посмеет даже помыслить о том, чтобы причинить тебе вред.

– Порочный принц. Уверена, он посмеет. Думаете, он за-

был, как ваш батюшка собственноручно отрубил голову его бабке? Я бы на это не рассчитывала. В такой сложной ситуации он вряд ли станет нашим другом, отец. Им движет жажда мести и ничего более. Вы говорите, что ему ничего не стоит завоевать нас? Так с какой стати он должен проявлять милосердие?

– Если бы он просто хотел нас убить, то не делал бы тебе предложение.

– Порочный принц ведёт себя как безумец.

– Санисторы всегда были безумными. Но тот, кто умеет подчинять себе огонь, владеет миром. Подумай, Анжелика, у него блестящее будущее. И у тебя есть шанс его с ним разделить.

– Эта свадьба для меня всё равно, что похороны. И не делайте вид, что не понимаете этого! – я почти сорвалась на крик.

Какое-то время король-отец с горечью смотрел на меня, потом, не говоря ни слова, развернулся и вышел. Он даже не открыл дверь, лишь ударил три раза и те распахнулись перед ним.

Спала я плохо. Меня мучили кошмары.

Я стояла в открытом поле, и вокруг дул сильный ветер. Точка, пикирующая на меня с небес, выростала на глазах, превращаясь в огромное чудовище – дракона. И он действительно ужасал. Огромный, едва ли не с пятиэтажный дом, с широко раскинутыми перепончатыми крыльями, которые

то сжимались, как на пружинах, то разжимались, раскидываясь в сторону от мускулистого, покрытого жёсткой чёрной чешуей, тела.

Дракон приземлился на расстоянии, но его было слишком мало, чтобы спастись, и я понимала, что неминуемо погибну. Перемещаясь на двух лапах, словно какой-нибудь хищный ящер, дракон направился в мою сторону, и земля содрогалась под его тяжёлой поступью.

Прятаться было бессмысленно, бежать – некуда. И парализованная ужасом я стояла и смотрела, как он приближается, опираясь на жёсткие, костистые наросты на крыльях, как на костыли, подтягивая огромное тело с текучей, угрожающей пластикой смертельно-опасного хищника.

Три больших шага и огромная пасть, полная острых зубов, распахнулась над моей головой и дико заревела.

От ужаса я проснулась. И не сразу поняла – где я. Это была не моя квартира. Потом вспомнила – чёрт, я теперь принцесса и невеста. И жить мне возможно осталось всего ничего. Ладно, без паники. Пережила удар током, может, и вторую смерть переживу. Вдруг в третий раз перемещусь куда-нибудь... где немного спокойней.

В дверь постучали.

– Кто там?

Ответа не последовало.

– Войдите.

В мою комнату ввалилась целая делегация. Мужчина и

незнакомые женщины. Группа придворных, надо полагать.

С подобострастной улыбкой мужчина, что стоял впереди, начал усиленно кланяться:

– Госпожа моя, простите за раннее вторжение. Но король повелел срочно передать эти великолепные ткани специально для вас. Скажите только, какие вам нравятся и портные немедленно начнут работу.

Я ни черта не понимала в парче, атласе и шелках. Мне бы кеды да джинсы. Ну, не принцесса я, не принцесса. Хотя...

– Мне всё равно. Пусть портные сами решат, что будет лучше, – холодно отрезала я.

Всем понятно, что энтузиазма предстоящее свадебное заклание у меня не вызывает и это естественно.

– Госпожа, но это ведь не дело? Портные не осмелятся. Вы бы посмотрели сначала? Такая красота!

– Ты что? Не понял? – в притворном гневе я даже ногой притопнула. – Мне эти тряпки не нужны. Они меня не интересуют. Убирайтесь! Вон из моей комнаты.

Видимо, я взяла слишком круто. На лицах слуг был написан откровенный шок.

– Можете идти, – уже гораздо мягче и вежливее сказала я. – Оставьте меня.

– Как прикажете, госпожа! – поклонился мужчина и вся свита под тюками материй, топтавшаяся за ним, пятясь и кланяясь, удалилась.

Но моё нежелание наряжать на свадьбу мало кого остано-

вило. Уже к полудню фрейлины принесли мне яркое синее платье, расшитое сияющим жемчугом.

Они приготовили мне ванну. Потом долго расчёсывали волосы щётками из конского волоса, пока те не засверкали, словно полированные. А потом, слой за слоем, закутали моё новое тело в шелка, такого тонкого и нежного, что я чувствовала себя в нём Венерой, окружённой волнами. Голову мою увенчали тиарой из тонкого золота, с которого поверх волос до самой земли спадала тончайшая вуаль-фата.

Итак, я – Анжелика Ванхелия, дочь Зигмунда III, короля Оруэла. Если верить придворным льстецам, унаследовавшая силу характер своего отца и деда и страстность и ум моей матери, происходящей от древней оруэльской крови.

Приходя в мир дочери королей приносят с собой печаль, потому что они – не мужчины, не сыновья, не принцы. Закон средневековья суров к женщинам, особенно к женщинам королевских кровей – если у тебя нет сына, то не будет и власти. Никто не считается с королевой, у которой нет сыновей.

Мать Анжелики была сослана в дальний дворец её отцом, тот самый, с которого началось моё знакомство с этим миром. Там, во Дворце Печали, она жила тихо, как мышь, никто с ней не считался. Она зачахла и покинула этот мир, возможно, кто-то ускорил её кончину ядом. А отец продолжал жениться в надежде, что одна из жён подарит ему принца, наследника, сына.

Сына он так и не получил. А я, старшая дочь, Анжелика

Ванхелия, принцесса и наследница, чьи приказы исполняются незамедлительно, стала самой влиятельной принцессой за всю недолгую историю Оруэла.

Роскошная свадьба станет церемонией моих похорон. Мне придётся на это пойти ради спасения множества людей. Какая ирония! Все эта знать печалилась, что я в своё время не родилась принцем, а теперь я нужна им, чтобы продать меня в обмен на свои жалкие жизни и крохи власти, что, возможно, будущий властитель решит им оставить.

Все собрались на главной площади столицы в ожидании прибытия моего проклятого жениха.

Несмотря на то, что сердце моё замирало, всё же я сторала от любопытства. Были интересно взглянуть на Проклятого принца, но ещё больше – на живого дракона. И понять, насколько чудовище из моего сна похоже на реальность.

Глава 6

К месту встречи с женихом меня доставили в паланкине, что несли восемь рыцарей в белых плащах, расшитых золотом. Занавеси в паланкине тоже были золотые. Если уж быть совсем точной – жёлтыми и из такого тонкого шёлка, что, если смотреть на мир изнутри, мир казался золотым.

Площадь для встречи царственных особ была выстроена из павильонов специально для встречи наших монарших особ. Простой люд стёкся со всех сторон тысячами, чтобы посмотреть на это знаменательное событие. Это, понятное дело, требовало особого внимания со стороны стражей порядка и обеспечивающей нашу безопасность охраны. Со всех сторон теснились рыцари, сверкали доспехи, били копытами кони, трепетали знамёна. И надо всем этим, как гул над ульем, звенели невнятные выкрики толпы, пока веселые, но несущие в себе нечто грозное.

Я не знаю, не могу сказать, что поменялось, но всё разом стихло, будто в воздухе разлилось нечто, невидимой чертой отделяющей обычную спокойную человеческую жизнь от присутствия в ней *Иного*. Именно так, с большой буквы, но это нельзя передать, *это* нужно ощутить.

Так стихаем мир перед грозой, когда вот-вот рванёт.

Я трижды постучала в перегородку, подавая знак носильщиком, чтобы они остановились. И когда ступила на твер-

дую землю увидела, что все люди на площади, от последнего нищего до знатнейшего дворянина, задрав головы, смотря в синее небо где ничего не было, даже белых облаков. Лишь ярко светило солнца.

В этот момент мне показалось, что солнце сделалось нестерпимо ярким и обжигает лицо. Потом ударил резкий порыв ветра и от пронзительного резкого звука из ушей едва ли не кровь хлынула.

Протяжный и угрожающий, он звучал как соединённый орлиный клёкот с львиным рычанием. Звук был до такой степени инородным и жутким, что всех на площади в первый миг парализовало ужасом. Все замерли, не издавая ни звука, не сводя глаз с небес.

Он камнем падал вниз – весь словно состоящий из резких росчерков, острый, как стрелы – узкая морда, длинное тело, ноги и хвост, сливающийся в одну чёрную линию и два широко раскинутых крыла. Поначалу издалека, пока был в вышине, он казался просто птицей. Только приближался на скорости, птицам не доступной.

Снова раздался этот выжигающий страхом внутренности звук.

Я машинально отметила про себя, что драконье крыло состоит из трёх частей-сегментов, каждое полукружие которого заканчивает острой треугольной вершиной. Он бил ими по воздуху с силой, словно отталкиваясь от него, а потом какое-то время плавно парил.

Когда зверь приблизился, стали заметны мощные и сильные задний конечности-лапы, как у тираннозавра, а за ногами по воздуху струился длинный шипастый хвост.

Тень росла, приближалась и казалось вокруг от ужаса мелко тряслись даже камни, воздух, вода и стены, не говоря уже о людях. Такое же впечатление, должно быть, производят несущиеся по полю бою танки – смертельная мощная угроза, но тут танк шёл по облакам и спасения практически не было. Ни для кого.

Дракон ловко и маневренно наклонился, проносясь между двумя башнями над охранной стеной. Он черкнул когтями на лапах по черепичной крыше и те каменными искрами просыпались вниз, сорванные легко, будто клочок бумаги.

Народ начал орать. Накатила паника.

– Госпожа! Немедленно садитесь в паланкин. Здесь становится опасно! – испуганно завертелся Баристан.

– Не сяду я в паланкин. Стоит запутаться в этих чёртовых тряпках, и меня даже чудо не спасёт.

– Что же делать?

– Мне нужна лошадь. И охрана.

– Вы не можете ехать верхом! Вы же невеста!

– Будет лучше, если моему жениху меня подадут бесчувственным трупом?

Видимо, сочтя мои аргументы весомыми, капитан моей личной охраны разжился лошадю. Уж не знаю, у кого он её позаимствовал, а сами рыцари старались держать строй во-

круг меня, чтобы обезумевшая от страха, мечущаяся толпа не навредила их принцессе.

Ударив лошадь пятками, я послала её в галоп, рассчитывая, что люди успеют уйти с моего пути и сама ужасаясь своему поведению. Если бы я была там, среди толпы, я бы себя боялась и осуждала. Но мне не терпелось оказаться на месте. Нельзя было допустить, чтобы жених явился раньше. Вдруг он счёл бы это оскорблением и основанием для того, чтобы начать поливать город огнём.

Пока я неслась по улицам города, в голове неслись обрывки мыслей. Дракон – это и есть мой жених? Или управляет зверем – драконий всадник?

Так получилось, что на Площадь Встреч мы прибыли фактически одновременно, появившись с двух её противоположных концов. Моя взмыленная лошадка резко остановилась, подчиняясь натянутым поводьям, дрожа всем телом перед огромным чудовищем напротив. Хоть нас и разделялось расстояние приблизительно с сотню метров, не было никаких сомнений в том, что при желании на то, чтобы откусить голову и лошади, и её всадницы у дракона на этой уйдёт не более минуты.

Как и в моём сне, стоило мощным лапам Зверя удариться о мощённую мостовую, земля дрогнула.

Дракон вытянул вперёд шипастую голову, украшенную двумя рогами, словно у дьявола. Его тело покрыто было толстыми пластинами, плотно налегающими одну на другую,

как металлическая броня. По голове и по хвосту шёл гребень из когтистых наростов, между которыми было натянуто нечто вроде перепонки. Видимо, это предавало ему какие-то особенные аэродинамические характеристики, но я не инженер и тут точно с уверенностью сказать ничего не могу.

Через мгновение я испытала нечто вроде разочарования. Мой муж не был Зверем и оборотнем. Забавно, что я вообще могла поверить в такую возможность, но после того, через что пришлось пройти в последние дни, я уже готова была поверить, что стала невестой Дракона.

Я не видела, как драконий всадник спешил, сделал он это с обезьяньей ловкостью и быстротой.

Мой будущий муж был высок, длинноног и сухопар, чёрно-алые одежды весьма шли к нему, под ними угадывалось тело закалённого воина, привыкшего к физическим нагрузкам и упражнениям. Костюм скорее подчёркивал, чем скрывал широкие плечи и узкие бёдра, рослую и мускулистую фигуру.

Двигался драконий всадник стремительно и уверенно, как всякий хищник, в каждом его движении чувствовалась скрытая сила. Резкие острые черты лица, большие глаза, чёрные и блестящие, были полны надменности, подрагивающие губы говорили о затаённой страстности. Густые чёрные волосы падали назад от мыса на лбу, острого, как его нос.

Что могу сказать? Ни по каким меркам приближающийся ко мне мужчина записным красавцем не был, но в нём опре-

делённо была мощная мужская харизма. Сила, как физическая, так и ментальная, будет востребована во все времена и понятна на любом языке. Сила – это то, что больше всего покоряет нас в других людях. Нравственно это или нет, но так устроена наша Вселенная – она принадлежит сильным.

На площади было тихо. Очень тихо. Кажется, упали иголка и это услышали бы в дальних рядах собравшейся толпы. Даже дракон молчал, будто прислушиваясь и приглядываясь к происходящему.

Не сбавляя шага, Порочный Принц подошёл ко мне и только когда он протянул мне руку, предлагая опереться на неё и сойти вниз, до меня дошло, что я по-прежнему в седле.

Без особых церемоний, обвив уверенной рукой мою талию, он опустил меня на землю, а другой поднял, практически сорвал вуаль с моего лица. Чёрные, жгучие глаза уставились на меня дерзко и вопросительно, смущая и одновременно с тем возмущая своей пристальностью.

– Принцесса Анжелика, – голос у него был глубокий и вкрадчивый, как и положено заправскому злодею и соблазнителю. – В кое-то веки молва и портреты не обманули – ты действительно редкостная красавица.

Я растерялась, не зная, что отвечать. Просто стояла и смотрела на моего предполагаемого жениха, без пяти минут мужа.

– Идёмте, сударыня, – учтиво сказал он мне, протягивая руку, на которую мне предполагалось опереться, – попривет-

ствуем вашего отца.

Я уже, наверное, полностью вжилась в роль принцессы-Анжелики, потому что как-то очень органично чувствовала себя, шагая рядом с красавцем-воином и королём рука об руку, под десятками тысяч глаз добрых подданных.

Король Зигмунд III и его супруга сидели на возвышении, в павильоне, украшенной королевскими знамёнами, гербами и штандартами. Выражение Лицо у королевы Олиеры было такое, будто она сосала лимон без сахара.

Солнце светило так ярко, что обжигало глаза.

– Приветствуем вас, король Перийла, Закирских хребтов, Виорона и Семи Морей, – приветливо проговорил мой царственный родитель. – Мы рады видеть вас.

В ответ на это Зигмунд III получил лишь саркастическую ухмылку, явственно показывающую, что Порочный Принц отлично знает цену этим льстивым и лживым речам.

– Настолько рады, что приветствуете меня как вассала, не поднимаясь с места? Что ж, учитывая, ваши преклонные годы, я готов смотреть на это сквозь пальцы. Преклонные годы и... –сжав мою руку в мозолистых пальцах, принц Эвил поднёс их к своим горячим губам и страстно прижался к моим тонким пальцам, обжигая их поцелуем, как моё лицо – горящим взглядом, сулящим пламенную ночь. – ... красоту вашей дочери, столь желанной для меня в этот миг. Ну и? – обернулся он в поисках священнослужителя, – где тот кудесник богов, что соединит нас законными узами священного

брака?

Речь его тоже была быстрой и страстной, столь же стремительной и неровной, как всё в этом человеке, и всё за каждым его словом словно прятался сарказм.

– Мы надеялись, что бракосочетание состоится завтра. А сегодня планировались турнир и пиры в вашу честь.

– Моя честь в этом совершенно не нуждается. Я хочу, чтобы бракосочетание состоялось немедленно, – непреклонным тоном заявил мой будущий супруг.

– Но так нельзя, милорд, – подалась вперёд ведьма Олиера, пытаясь изобразить улыбку, вместо которой в очередной раз сверкнул змеиный оскал. – По нашим обычаям полагается проводить невесту как должно. Как вам – встретить её.

– Моя жена будет жить по моим правилам. А вашим обычаям не больше жалких ста лет, которыми пренебречь не грешно. Так здесь есть священник, способный провести обряд – или нет?

Одной рукой жених крепко держал меня за руку, а вторую выразительно положил на кинжал в ножнах у пояса.

– Если нет, мы сможем отыскать его по дороге к Хребту, но было бы приятней провести обряд здесь, чтобы в дальнейшем ни у кого не возникало сомнений в законном рождении грядущего наследника Девятицарствия.

– Вы планируете покинуть нас так скоро? Но, сударь, мы готовились к празднествам, желая угодить как вам, так и нашим подданным.

– Ваши подданные смогут продолжить веселиться по этому поводу столько, сколько душе угодно. Моё отсутствие им в этом помешать не может. У меня же нет ни времени, не желания задерживаться.

Слова принца зазвучали резко и отрывисто. Отец выглядел оскорблённым, подданные, окружавшие нас плотным кольцом – тоже.

– Вы прибыли на свадьбу в одиночестве, ваше величество? – протянула моя прекрасная мачеха, вновь воинственно задирая подбородок в тщетной попытке выглядеть горделиво.

– Что вы, королева? Я не один. Со мной мой дракон.

То ли услышав о том, что его упомянули, то ли получив какой-то магический импульс-приказ, чудовище отозвалось утробным рёвом, от которого содрогнулась вся площадь.

– И вы полагаете увести от нас вашу невесту на драконе? Вот тут мне поплохело.

Я? На драконе?! Верхом?...

Нет-нет-нет-нет и нет.

– Да, – коротко отрезал мой будущий муж.

И чего мне замуж в моём мире не выходило? В наше время мужик, конечно, зверь, но хомячков и кроликов редко кто по-настоящему боится. Да, уход дополнительный требуется и сор по всюду, и кормёшка три раза в день, но перед той перспективой, что открывалась сейчас все тяготы прошлой жизни казались мне на уровне детского сада.

Мама! Я домой хочу!

Глава 7

Как сон, словно сквозь воду, я видела человека в белом и двух других, в серебристых одеждах, спускающихся к нам по лестнице. Кто-то чуть в стороне затянул странную, дикую, печальную мелодию, аккомпанируя себе на каком-то неизвестном мне струнном инструменте, издавая по форме напоминающем лютню.

Девы с распущенными волосами, все в белом, босые и с золотыми подносами в руках, окружили нас и стали забрасывать цветочными белыми лепестками, наполняющими воздух вокруг сладким, удушливым запахом.

Голос тянул заунывную песню, а девы бесшумно кружились вокруг нас в странном причудливом танце, время от времени посыпая нас лепестками. Те застревали в чёрных волосах моего жениха, скользили по шёлку моей фаты, западая и задерживаясь в её складках.

Потом девы застыли, держа подносы перед собой, образуя первый «белый» круг.

На очередной куплет бесконечного песнопения вниз скользнули девы в алых одеждах, на их подносах возвышались толстые свечи из пчелиного воска. Девы в танце кружились не только по кругу, но и вращались вокруг себя.

Песня всё тянулась и тянулась, бесконечно.

Девы в красном застыли вслед за белыми своими пред-

шественницами. Священнослужители в серебрящихся, будто иней, одеждах, шагнули к нам и, развернув наши ладони вверх, стали чертить на коже палочками какие-то знаки, обмакивая их в резко пахнущий травами и пряностями состав. Потом, приложив мою ладонь к ладоням принца Эвила, переплели их алыми гирляндами с белоснежными цветами.

Для меня все эти действия не значили ровным счётом ничего, но по-своему даже мне, непосвящённой, ритуал казался красивым. Я вообще-то не очень сентиментальна и в загсах на свадьбах никогда не плакала и даже не хотелось. В святость марша Мендельсона и торжественной поступи никогда не верилось. По мне, так все эти свадьбы такой же атавизм, как хвост – пережиток отжившего прошлого. Кому жить вместе, так и без этих танцев с бубном обойдутся, а уж коль не ужиться, никакие песнопения, свечи и ароматные лепестки от беды не уберегут.

Но когда ты принцесса в чужом мире бывшие убеждения и даже принципы уходят на второй план. Отказаться от участия в этом дорогом спектакле шанса не было. Тысячи глаз на площади уставились на меня, в том числе и обжигающий взгляд жених с моего лица не сводил. Так что терплю дальше без возражений. Проблемы мне не нужны.

А тоскливый слёзо-давящий голос всё тянул что-то вроде «о-ла я-холла», чтобы бы там это не значило.

Когда песня стихла и воцарилась тишина, мой жених (или теперь уже муж?) улыбнулся мне, оскалив в наглой, откоро-

венной улыбке, ровные белые зубы, проворковав:

– Анжелика, принцесса Оруэла, наследница вашего отца и будущая королева Девятицарствия, сокровище моё, примите от меня в дар корону, достойную моей королевы.

Он полуобернулся и из толпы к нам шагнуло два человека. Стражники скрестили перед ними копья, но, повинувшись знаку, данному отцом Анжелики, тут же освободили проход. В руках неизвестного была дорогая шкатулка, а на ней необычно красивая диадема и снежного серебра, сверкающих росой алмазов и неизвестных, несуществующий на земле, чёрных, словно горящих огнём изнутри, драгоценных камней.

Взяв диадему обеими руками, принц, прозванный Порочным, осторожно воздвиг мне эту красоту небесную наголову, предварительно сняв ту, что на меня нацепили слуги ба-тюшки.

Осторожно коснувшись моего подбородка, принц нежно, горячо заглянул мне в глаза и проговорил голосом соблазнительным, обещающим все наслаждения мира:

– Редко встречаешь глаза, подобные двум звёздам; подобные двум глубоким омутам, где отражается сияние утренних небес и бездонное бурное синее море. Невозможно не проникнуться восхищением таким творением Всевышнего Бога и не чувствовать к нему благодарность за столь совершенное творение.

Это было толсто, да. В смысле такая лесть слишком искусственная, чтобы в неё поверить. Или мы, женщины, в своём

потребительском и комфортабельном 21 веке успели забыть какого это, слышать от мужчины связную и красивую речь? Нет, я конечно не верила не единому сказанному слову, но звучало-то красиво. И к месту.

Хотя, может быть, это тоже часть ритуала и на свадьбах тут всегда такое толкают, а я-то уши развесила. Надеюсь, хоть от меня комплементов не ждут. Ладно, на всякий случай изображу скромность и оторопь. Мол, от волнения всё забыла. Если нужно, стоящие рядом подскажут ведь, что делать дальше?

Но всё молчали.

Склонившись, принц коснулся губами моих губ, мягко, нежно – в первый момент. А в следующий поцелуй стал жёстким и горячим настолько, что я задохнулась и, наверное, пошатнулась бы, когда он отодвинулся, не держи он меня сам так крепко.

Речетативом зазвучал над нами голос священнослужителя:

– Отдаёте ли вы, король Зигмунд III, повелитель Оруэла, эту женщину по воле Бога Всевышнего и Всемогущего, по Древнему Священному Закону, по решению Верховного Совета и в присутствии свидетелей, в жёны принцу Эвилу, сыну Анахтарона Санистору, законному принцу Священной Династии, как было решено между вами?

– Отдаю, – обречённо прозвучал голос короля Зигмунда с верхних трибун.

– Принц Эвил, сын Анахтарона, из Священной Династии Санисторов, берёшь ли ты в жёны принцессу Анжелику Ванхелию, дочь короля Зигмунда, правящего Оруэлом третьим в своей династии; принцессу, наследующему своему королю-отцу и приносящей в качестве своего приданного возможность претендовать на корону данного королевства, как было договорено между вами?

У меня мозг в трубочку скатался где-то не середине витиеватых речей преподобного, или как тут священников величают. Но от того, что я речь услышу не до конца, брак ведь незаконным не признают?

– Беру, – уверенно заявил мой жених.

Ещё бы! Кто ж от королевства-то в качестве приданного откажется? На таких условиях кто угодно женится на ком угодно.

– В присутствии свидетелей я объявляю этот брак совершенным!

И снова зазвучала музыка. Только на этот раз не струнные страдали, а загудели рожки на все голоса, кто выше, кто ниже, едва ли не какофонией, но какофонией торжественной.

То ли от радости за хозяина, то ли имея тонкий музыкальный слух, которому такая музыкальная партия не пришлась по вкусу, но дракон вплёл свой могучий голос в общий хор и земля содрогнулась от его рёва. Народ от испуга завопил.

В общем, на площади царила веселуха и оживление.

Один из советников короля Зигмунда скользнул к нам

змеёй, как только девушки и священнослужители отошли в сторону.

– Ваше Величество, – льстивым голосом проговорил он. – Прошу вас проследовать за мной. Вас проводят к праздничному столу.

– Благодарю за щедрое предложение, лорд Торлэнд, но я не стану задерживаться на вашем пиру.

– Но, простите, как же так? Это не совсем...

Принц обернулся, выразительно приподняв брови, как бы подначивая собеседника закончить мысль и в то же время предостерегая его от столь опрометчивого поступка.

– Не совсем учтиво с вашей стороны, милорд...

Одной рукой по-прежнему не отпуская меня, второй принц выразительно схватился за меч, делая шаг по направлению к собеседнику:

– Я вам не милорд – я король. Ваш, в скором времени, надеюсь, поскольку в ближайшее время жду вашего суверена в своей Тёмной Цитадели с вассальной клятвой.

– Да, конечно, конечно, – китайским болванчиком закивал испуганный герцог, из которого дипломат как из моей шапки тапочки. – Я всего лишь оговорился, прошу меня простить, ваше величество.

– В следующий раз оговоришься, останешься без языка, – холодно сверкнул огненными глазами принц.

– Этого больше не случится, ваше величество. Но всё же, согласитесь, что будет странным, если жених с невестой ста-

нут отсутствовать на празднике, устроенным в честь их церемонии.

– Мне плевать на церемонии, и я не люблю праздники.

– Наши слуги приготовили опочивальню, достойную вас и вашей королевы...

– Мои слуги тоже приготовили опочивальню. И место моей королевы рядом с её королём. А теперь уйдите с дороги и дайте мне пройти к моему дракону, если не желаете, чтобы мой дракон подошёл ко мне сам.

Лорд Торлэнд явно не желал и вынужденно отступил, не находя нужных слов.

– Идёмте, сударыня, – проговорил принц Эвил и потащил меня в сторону дракона.

Чем ближе мы подходили к этому чудовищу, тем больше оно становилось, хотя и издали выглядела огромным.

Я не верила своему счастью. Приблизиться к дракону, в чью пасть можно было войти, не сгибаясь, как в дверной проём? А зубов в этой пасти, острых, треугольных, жадных и кажется, голодных, было не сосчитать. Да уж, что в жизни может быть замечательней.

– Сударь, вы хотите увезти меня? – срывающимся от испуга и быстрого шага, голосом, проблеяла я так, что самой стало противно.

Ну, чистая овца.

– Вы весьма наблюдательны, – с саркастичным смешком отозвался мой без пяти минут, супруг.

– И вы хотите сделать это на драконе?

– Вам сегодня везёт с догадками.

– Но я...

Он так резко остановился, что я врезалась в его плечо.

– Что? – резко спросил он.

– Я не умею летать на драконах! – выдохнула я, упираясь, не желая приближаться к ревушему монстру, чьей глаз с длинным острым зрачком был теперь на расстоянии вытянутой руки от меня.

Я чувствовала, что сейчас начну отбиваться, визжать и предприму попытку к бегству.

– Никто не умеет, пока не попробует, – весело прилетело мне в ответ.

Под его испытующим взглядом я чувствовала себя отвратительно. Мне хотелось быть прекрасной и храброй, но я чувствовала, что никакая я не взрослая, рассудительная женщина, а тряпка.

Ну не могу я верхом на драконе! Не хочу.

Чешуйчатое крыло, словно трап, опустилось в нашу сторону и принц легко (явно сказывалась сноровка) поднялся на спину этого небесного громилы на крыльях.

– Прошу вас, сударыня.

– Я...

Крыло, поднявшее принца вверх, теперь «прилетело» за мной.

На мгновение я представила, как с диким визгом я бе-

гу через всю площадь, придерживая длинные юбки, пытаюсь скрыться в толпе. Представила и как я лезу на эту стену бронированных чешуёй мускулов, смешно и неуклюже.

Ладно, назад дороги нет. Вперёд, Ангелина-Анжелика, как её там? Ванхелия, а теперь примкнувшая к священной династии Санистаров.

Я осторожно ступила на крыло и оно, словно гигантская платформа двинулась вверх. Я с ужасом поняла, что сейчас упаду и разобьюсь, но крепкая рука принца ловко ухватила меня под локоть и дёрнула вверх. Словно мешок с картошкой я приземлилась за его спиной, в первый момент испытывая облегчения.

Слава тебе господи, я на месте. Но взглянув вверх, испытала желание мерзко визгнуть. Площадь и люди колыхались под нами где-то на уровне третьего этажа, а опора была сомнительной. Кое-где торчали шипастые шипы с перепончатой стеночкой между ними, мышцы под ягодицами ходили ходуном при каждом движении.

Что-то зазвенело над моей головой.

– Перекиньте цепь через вашу талию, принцесса, – весёлым голосом велел мне мой законный повелитель.

Он хотел, чтобы я пристегнулась? О, какая замечательная идея. Я проворно несколько раз обмоталась цепью, протянув свободный конец ему.

Что-то щёлкнуло.

Я испытывала возбуждение сродни тому, какое бывает,

когда решишь прокатиться на жутком аттракционе, немного интересно, и весело, и очень страшно.

Площадь внизу казалось высокой. Я кое-как пристроилась между двумя шишковидными наростами и ухватилась обеими руками за шипы.

– Готовы, сударыня?

Я не стала отвечать, поскольку мой ответ всё равно ничего не значил.

– Лети! – громко скомандовал Эвил.

И в тот же момент площадь резким толчком ушла вниз – дракон поднялся на свои мощные лапы. А потом двинулся вперёд.

Его спина под нами резко ходила ходуном с такой силой, что я болталась, как отвалившаяся гайка в стиральной машине при отжиме, во все стороны.

Я боялась летать на самолётах. На самолётах, Карл! А там всё плавно, и мягко, и с ремнём безопасности, и от пейзажа вокруг тебя отгораживают стены. И самолёт не орёт как сумасшедший бегемот. Нет, он ревёт, двигатели и всё такое, но как ревел дракон...

Я сожалела о памперсах и хотела умереть. Быстро. Раз всё равно неизбежно, то зачем зря долго мучиться? Пошлите мне боги быстрюю и не позорную смерть.

Меня сейчас стошнит, если мы не перестанем болтаться.

С последним заячьим прыжком тварь, наконец-то воспарила в небо. Земля ушла из-под нас и плавно поплыла в сто-

рону. В лицо ударил ветер, с такой силой, что охладил всё разом – и щёки, и желудок, уняв тошноту.

Вцепившись в несчастного мужа с такой силой, что, весьма вероятно, уже стала вдовой и не заметила, я зажмурилась.

– Вы в порядке? – с силой проорал он.

– Чёрта с два я в порядке! – проорала я в ответ.

– Ничего, скоро привыкнете. Ещё понравится.

Но он ошибся. Сильно ошибся. Мне не нравилось от слова совсем! Я изобрету самолёт, поезд и ракету в этом мире, сделаю всё, что угодно, чтобы больше никогда – никогда! – не летать на драконах.

Это страшно.

Нет. Не так.

ЭТО СТРАШНО!!!

Представьте себе, что вы на высоте облаков вдруг решили покататься на американских горках во время прохода зоны турбулентности. Несколько минут скользите плавно, почти парите и начинаете привыкать, получать удовольствие. Тут дракон начинает работать крыльями, и вы как будто ныряете в воздухе, вверх-вниз, вправо-влево, на огромной скорости, а потом снова – плавно, мягко, как перышко. Привыкли? Снова – дикая болтанка.

А под вами море. Вода, куда ни взгляни. Ни островка, ни клочка земли. И если дракон вдруг устанет, или собьётся с курса, или...

Жить хочу! Я слишком молода. Мне ещё первую брачную

ночь обещали!

Глава 8

В тот момент, пока мы летели, путешествие казалось бесконечным. Не было конца ни морю, ни небу. Но потом, когда я оглядывалась назад, пришлось признать, что весь перелёт не мог занять больше пары часов. И так высоко, аж в облака, мы забрались лишь один раз и тут же спустились. Не берусь судить, был ли в этом высоком подъёме какой-то смысл, или жених хотел попонтоваться и показать, какой он крутой, вон как круто да высоко берёт.

Как это часто бывает, я понты не заценила. На мне, кроме шелков и драгоценностей, да ещё тяжёлой цепи, которой меня прицепили к спине дракона, ничего не было. Все эти красивые побрякушки, увы, не соболиные меха, а на такой огромной высоте и правду очень холодно. Как зимой на улице. И это при том, что сам дракон был горячий, я будто на печи сидела. Но попробуйте-как выкатиться в шёлковом платье на горячей печке да в двадцатиградусный мороз, представьте, что печка всё время ходуном под вами ходит и вы получили приблизительно мои ощущения в тот момент.

Но с другой стороны мороз и усталость притупили чувства, даже в сон потянуло. Но в этот момент мы начали быстрое снижение.

Вообще-то обзор на огромном драконе не слишком широк. Справа-слева крылья, сзади получше, но сидеть, вывер-

нувшись назад неудобно, а впереди рога на голове, это, не считая спины мужа – в общем, даже полюбоваться красотами пейзажа, если таковой имелся, была не судьба.

Все же я сумела увидеть город и с любопытством разглядывала его ещё издалека, когда он только появился на горизонте. Он начинался от самого залива, где море углублялись полукруглой подковой в сушу.

Одной своей стороной город упирался в море, другая – была окаймлена горами, а за ними, насколько я смогла увидеть в своём ограниченном обзоре, колыхалось зелёное море травы, высокой, наверное, людям по пояс, по которому с трёх сторон тянулось несколько дорог – в средневековье их величали королевскими трактами.

Со стороны птичьего полёта, когда удавалось выглянуть из-за плеча принца Эвила, можно было насладиться видом ярких дворцов из дорогого мрамора или материала попроще – белого и красного камня, но и те, и другие утопали во дворцах. Из кирпича были выложены и купеческие склады, но дерева в городе было больше. Из дерева выстраивали большинство домов, гостиницы, таверны, бордели. Всё это стояло к друг другу очень тесно, словно лепилось друг на друге. Здания разделяли дороги, в кварталах побогаче обсаженные деревьями, а в тех, кто победнее и трущобах даже деревьев не было.

Проносясь над пристанью и большим рынком, миновав несколько кварталов, мы начали снижаться, направляясь к

величественному, монументальному, роскошному дворцу, перед которым, что я покинула в Оруэле, казался маленькой трёхкомнатной квартиркой в городе перед особняком на пятьсот квадратов.

Величественные ворота открывали доступ к сердцу замка всем, кто не летит сверху.

Дракон, опускаясь, издал уже слышимый мной несколько раз клёкот-вой. Когда сидишь на звере верхом, этот звук ещё мощнее, будто под тобой колонка с сабвуфером включённая на полную мощность.

Мы приземлились в центр огромного двора, заполненного людьми до отказа. У меня плохо гнулись руки и ноги, и я не скатилась кубарем вниз только благодаря тому, что принц поддержал меня, пока платформа-крыло опускала нас на землю.

Впереди всей толпы стояла высокая женщина, с ног до головы закутанная в красный шёлк. Лицо её было завешено на восточный манер, оставались свободными только глаза, которые сверкали как у ведьмы-Шахерезады из мультика про трёх богатырей – ярко-огненные, чёрные, густо подведённые на египетский лад.

По правую руку от женщины стоял молодой человек, такой же высокий, как принц Эвил, черноволосый и черноглазый, левую сторону его лица пересекал тонкий шрам, спускаясь к шее и исчезая по высоким плотным воротником его кафтана. Мужчина стоял, широко расставив ноги и убрав ру-

ки за спину. По левую сторону незнакомки в красном стоял высокий полненький мужчина.

– Матушка, – принц Эвил, склонившись над рукой, которую та ему протянула, припал к ней губами.

Я вздохнула с облегчением. Ну, матушка... это хорошо. Я уж было успела с тревогой подумать, что одной из моих предшественниц удалось выжить. Нет, не то, чтобы я желала кому-то смерти, просто делиться с только что приобретённым мужем в мои планы точно не входило.

– Рада, что ты наконец вернулся, сын наш. Я молила Огненного Бога хранить тебя в пути.

– Ваши молитвы были услышаны. Да и к чему волнения, когда со мной Злой Рок?

– Вы слишком самоуверен, сын наш. И склонны недооценивать силу противника. Но Огненный Владыко милостив. Я надеюсь, ещё смогу увидеть долгие годы твоего правления, во время которого былая слава Санисторов, предков твоего отца, будет восстановлена.

– Да будет так, – кивнул Эвил.

– Это, полагаю, твоя новая жена? – милейшая свекровь на меня даже не взглянула.

– Да, матушка. Как и было оговорено. Авилла? – обратился он к кругленькому мужчине, в ответ тут же поклонившемуся. – Покои для моей королевы готовы?

– Да, повелитель! Как вы и приказали, мы приготовили комнаты для Звезды вашего сердца!

– Проводите мою жену, пусть отдохнёт и приготовится к моему приходу вечером. А вы, матушка, велите устроить праздник во дворце.

– Как пожелает наш господин, – снова подобострастно склонился слуга. – Прошу вас, о Звезда Очей!

Мне хотелось повернуться к мужу и высказать всё, что я думаю о таком приёме. Мне велели убираться в дальние комнаты, словно ребёнку, удаляя его, чтобы не мешал взрослым. Но воли себе я, естественно, не дала. Не хотелось выглядеть дикой дурочкой, не знающих правил приличия. Сильно сомневаюсь, чтобы здесь оценили свободу слова и демократический стиль жизни.

– Сюда, прошу, госпожа моя! – суетился толстячок.

Я пошла за ним, даже не обернувшись на оставленного супруга. Это всё, чем я позволила выразить себе свою обиду. Хотя, положа руку на сердце, её вряд ли кто заметил.

Тёмная Цитадель была огромной, просто не дворец, а город в городе. Как я потом узнала, он состоял из четырёх дворов.

Самая крупная секция из четырёх именовалась Драконьей. Наиболее примечательной в ней были ворота-купола, которые складывались таким образом, что арена-драконье логово под ними оставалось открытым, чтобы звери могли свободно взлетать и садиться. Арена окружена казармами, где пребывает часть королевских войск, вместе с конюшнями и оружейными. Там же, на Драконьем дворе, распо-

лагались и боевые ямы, где легионеры тренировались, а на праздниках сражались специально обученные бойцы, на манер древнеримских гладиаторов.

Второй двор назывался Двором Небес. Вход в него открывался украшенным арочным сводом в толще стен, отделяющих это пространство от других. И стены, и арки были выложены голубыми изразцами, исписанными золотыми письменами. Здесь располагалось Здание Совета, Башня Правосудия, царская библиотека и тронный зал. Декорированные колонны, позолоченные решётки, богатые ковры – там богатств было немеренно.

Третий двор назывался Радужным и именно туда меня и отвёл Авилла, хранитель царских покоев. В общей сложности тут насчитывалось до четырёхсот комнат, имелись несколько бань, госпиталей, огромная кухня. Комнаты для служанок и слуг не отличались затейливостью и красотой убранства, а покои, предназначенные господ были словно райские кущи на земле – даже фонтаны и живые оранжереи, которые тут именовали «стеклянными садами» были в наличии.

Были в Радужном Дворе и настоящие сады, с пестреющими цветами, благоухающими нежными ароматами, фруктовыми деревьями и виноградниками. С мраморных террас открывались необычайно живописные панорамы на море

Забегая вперёд расскажу и о Дворе Ночи. Проход туда был всегда закрыт и тщательно охранялся. Проходить внутрь

дозволялось только самому Эвилу, его матери и брату. Тому самому мужчине в чёрном со шрамом. Правда, в свои первые часы о том, кто такой Чернокнижник и кем приходится моему мужу, я не знала и о нём вообще не думала.

Откровенно говоря, я и подумать не могла, что мой муж обладает такими богатствами! Я думала, что он отвезёт меня в какой-нибудь тёмный ступенчатый замок на горе или в пустыне, где ходит парочка верных слуг и не убиваемых тараканов, и откуда он, словно паук, раскидывает свою тонкую сеть и ведёт мозговой штурм по порабощению мира. То, как он нагрянул, без особого пафоса, лаконично и грозно, заставляло меня думать о бедном принце в изгнании. Но то, что я видела вокруг себя, не вписывалось в мою картину о бедном принце-сиротке.

Принц был богаче моего отца-короля.

Мои покои состояли из нескольких комнат и балкона, больше напоминающего галерею или террасу.

– Госпожа моя! Вас необходимо привести в порядок с дороги. Ведь сегодня ваша первая ночь с повелителем.

Я молча кивнула, полностью отдавая себя в руки слуганок. И начались бьюти процедуры. Мы вошли в ванную комнату, натопленную так жарко, что дышать нечем. Меня раздели и уложили на мраморные лавки. Когда становилось невозможно от жары, позволялось спуститься в круглый бассейн с прохладной водой, а потом снова – на лавки. Моё тело массируют и умащивают благородными (с их точки зрения)

маслами. Волосы вымыли в трёх водах – горячей, прохладной и с какими-то чудодейственными травами. О гель-лаках здесь, понятное дело, были не в курсах, но процедура маникюра и педикюра здесь была хорошо известна.

В течении трёх часов к ряду меня поили, кормили и умывали, умащивали благовониями и душили тонкими духами, нанося их тонкой стеклянной палочкой на виски, кисти рук, шею, грудь, лоно – всюду по капле. Мои волосы завили мягкими локонами и, расчёсанные до янтарного блеска, она легли послушной волной на плечи и спину. Глаза и губы подвели умело и тонко.

Тело моё окутало красным, алым как кровь, шёлком. Рукава словно крылья свободно стекали с рук вниз, грудь поддерживала ткань, перехваченная крест-накрест.

Девушки-служанки приготовили кровать, застелив её черным шёлком. Зажгли в изголовье свечи и раскрыли широко раздвижные двери, ведущие на балкон – чтобы ветер свободно мог влетать в комнату, когда захочет.

Волновалась ли я? Да! Но волнение моё было приятным. Я желала этой ночи. Почему нет? Мужчина мне в мужья достался отменный, и если девушка, в чьё тело я попала и была невинна, то я уже успела познать некоторую сладость этой стороны жизни и мой, пусть не такой уж большой сексуальный опыт подсказывал мне, что Порочный Принц из тех любовников, о которых женщины вспоминают с трепетом – выносливый, горячий, темпераментный, с неуёмным

аппетитом и фантазией.

Девушки поднесли мне стакан с напитком столь же алым, как и моё одеяние.

– Что это? – поинтересовалась я.

– Горячительный напиток, госпожа. Чтобы зажечь кровь и успокоить вас.

Я осушила его залпом. Приятный, бархатный вкус, прохладный. Алкогольный градус есть, но не сильный – в самый раз.

– Не много ли света?

– Господин захочет видеть вас, Звезда Очей. Он может остаться недовольным, если что-то останется в тени.

Это да. Мы, дамы, любим тень и тайну, а мальчишки, увы, обожают покров с тайны снимать. Чтобы их жадный взор до всего мог дотянуться, ничего нам не оставив на откуп.

Закончив, девушки выстроились в шеренгу, видимо, ожидая дозволения выйти. Я охотно им его дала:

– Можете быть свободны, – кивнула я им.

Я волновалась. Не хотелось ударить в грязь лицом. Сегодня моя судьба может и должна измениться. Второго шанса произвести впечатление и завоевать этого человека у меня может и не быть. Здесь, в этом мире у женщины может быть лишь одна карьера: чтобы владеть миром она должна владеть мужчиной.

Хотела ли я власти? Ну, что властью считать. Править миром, собирая оброк с подданных, пожалуй что нет. Но си-

деть за печкой и говорить на каждое мужнино слово: «Да, мой повелитель», – тоже не хотелось, а чтобы значить чуть больше, чем ничего, мне придётся поработать. И слава богу, что моя цель молод и хорош собой. От такой работы легко получать удовольствие.

Сохранять достоинство, быть горячей и раскованной, но не распутной, быть страстной, но не блудливой, отзывчивой на каждую ласку, но оставаясь целомудренной, так ублажить мужа, чтобы подняться с ложа с его сердцем в руках, а не стать наложницей на одну ночь, шлюшкой, чьего имени по утру не вспомнят и с кем второй раз дела иметь не захотят – это искусство.

Искусство, которому нас не учат. Наш 21 век на самом деле очень техничный. В любой книжке можно отыскать любые сексуальные техники, и всё же сексом заниматься в наше время часто скучно и неинтересно. Он как синтетический йогурт, тысячи подсластителей и усилителей вкуса, но часто нет самого главного – влечения, химия, страсти, живой, как вода из источника.

Я надеялась, что с принцем, драконьим всадником, всё будет иначе.

С сильно бьющимся сердце я повернулась к распахнувшейся двери.

Глава 9

В комнате было много занавесок. Они вились здесь повсюду. Лёгкая, полупрозрачная, алая, как огонь или кровь, кисея, отделяла кровать от других частей комнаты, выход на балкон, вход в другие комнаты – и всё это колебалось, колыхалось, дышало, вздрагивало багряной краснотой и солнечным золотом. Эта алая зыбкость, ещё более эфемерная и нереальная в свете сияющих свечей, делала реальность похожей на сон. Всё казалось зачарованным и сказочным.

Может, в горячительное подмешали чего? Почему алая кисея кажется мне языками пламени, а свеч – крылом феникса или пером жар-птицы?

А Эвил Санистор – он был в чёрном. Вернее, чёрными были его брюки с широким шёлковым поясом и короткая безрукавка прямо на голое тело. На шее мерцали золотые украшения, массивная толстая цепь, чуть меньше той, которой он приковывал меня к своему дракону. Чёрными были его волосы и глаза. И вокруг него, запутавшись в алых занавесках, бегали чёрные тени.

Мне отчаянно хотелось ощутить эту гладкую, мягкую кожу, бугрящуюся на валиках мышц подушечками чутких пальцев. Я готова была застонать от удовольствия только об одной мысли о том, как его руки станут ласкать моё тело.

Голова кружилась от предвкушения обжигающих прикос-

новений и охлаждающих, влажных поцелуев. И я боялась, отчаянно боялась, что жестокая реальность обманет мои надежды, как она это делает не раз, доказав, что всё хорошее в жизни лишь мечта или сон, а в реальных отношениях красота и страсть встречаются так редко – всё чаще скука или нужда.

Если бы я могла я бы, наверное, смежала в тот момент из боязни разочароваться. Но бежать было некуда. Вокруг – полутёмное пространство и аромат возбуждения.

– Иди сюда.

Это прозвучало не как просьба, а как приказ. Я не люблю, когда мне приказывают. И даже сейчас мне не слишком-то нравится, но подчиняться необходимо.

Я делаю шаг. Замираю на мгновение. Потом другой.

Отчасти потому, что ноги как ватные – подкашиваются от сладкого напряжения в теле. Один его вид заставляет меня испытывать желание, и я не стыжусь этого. Я приветствую этот зов плоти, который всегда казался мне смешным, надуманным и невозможным в реальной жизни. Мне не стыдно желать моего мужа, но я не люблю, когда мной командуют или помыкают. Я хочу играть на равных. Хочу брать ровно столько же, сколько отдаю. И скупиться я не намерена.

– Ближе, Анжелика.

У него красивый, хоть и резкий, профиль. И волосы, как и всё вокруг (а может быть благодаря багряным отсветам) тоже отливают красным.

Я остановилась, так и не дойдя до него, хотя нас разделяло

не больше метра. Он пристально смотрел на меня и в его глазах пылало пламя. Словно одним только взглядом он срывал с меня одежду или одежда не была для него преградой, он змеёй проскальзывал под неё, медленно сдвигая алый шёлк с моих плеч.

«Я сейчас возьму тебя, – говорили мне чёрные, жёсткие, смеющиеся глаза, словно бросая мне вызов. – Ты готова к этому?».

Бери. Я готова. Только не сломай. Поломанные вещи могут быть опасны.

Мы дышали почти в унисон – вдох-выдох, – словно разделяя воздух на двоих. От Эвила веяло мужественностью, уверенностью и пламенем. А я чувствовала себя бабочкой, готовой лететь на свечу. Мне хотелось вдохнуть тот воздух, что он выдыхает.

Я чувствовала себя возбуждённой и расслабленной одновременно.

– Не отводи глаз, – и это тоже не было просьбой. – Дыши со мной. Танцуй со мной. Люби меня.

Чёрные глаза, наполненные жадной и желанием, затягивали меня точно в омут, пленяли. И я, словно кролик, замороженный змеиным взглядом, шагнула вперёд, в кольцо его рук. Он обнял меня жадно, крепко прижимая к мускулистому горячему телу, к своему отвердевшему от желания, члену. Я видела, как расширились от страсти его зрачки.

Но он не стал торопиться. Бережно подхватив одной ру-

кой под бёдрами, второй придерживая за спину, легко оторвался от пола и на руках понёс меня к пламенеющему красно-чёрному ложу. Я обняла его рукой за шею, с наслаждением прижалась к обнажённой груди, ощущая приятную дрожь и ускоряющееся биение пульса.

Я слышала, как сбивалось его дыхание от моих движений. Чувствовала отклик на каждое прикосновение, и я сама словно превратилась в оголённый провод.

Мои ладони легли на его грудь, зажимая соски между пальцев. Они были такие же гладкие и горячие, как и всё его тело.

Его губы обрушились на меня с обжигающим жаром. Я поддавалась его ласкам покорно понимая, что ему нравится доминировать, а от девушки в её первую ночь можно ожидать отзывчивости, но не инициативы. Стоило мои губам раскрыться, как его язык затанцевал внутри.

Плавным, но твёрдым движением он опрокинул меня на спину, нависая и подавляя любое сопротивление, обещая незабываемое продолжение. Его горячие губы не давали передышки, не знали пощады, да я её и не хотела.

Я млела, не сдерживая тихих гортанных стонов, когда его руки заскользили по телу, оглаживая мои бёдра, прижимая их к себе, давая почувствовать степень его возбуждения. Ловкие пальцы легко преодолели препятствие, расплетая узлы одежд и отбрасывая их за ненадобностью в сторону.

– Какое у тебя белое тело, – прошептал он мне на ухо, –

белое, нежное, как дорогой фарфор. И как красиво оно смотрится на моих чёрных шёлковых простынях. Ты словно самый ценный приз, Анжелика.

Я вздрогнула и напряглась, как натянутая тетива лука, когда он накрыл губами мой напряжённый сосок, обводя языком чувствительную ареолу. Второй рукой он беззастенчиво коснулся самого сокровенного, меня заставляя выгибаться, сначала в смущённо попытки высвободиться, а потом уже от сладострастия.

Не прерывая игр с соском, который вдруг обрёл исключительную чувствительность, Эвил сильнее нажал на набухший клитор, заставляя меня замереть и прислушаться к острым, приятным ощущениям, жалобно всхлипывая от наслаждения.

Движения его языка совпадали по ритму с движением его пальцев, умело, со знанием дела играющих на самом чувствительном инструменте женского тела.

Дрожь наслаждения заставляла меня выгибаться, побряскивая почти на самую высокую грань блаженства, теряя связь с реальностью от его ласк.

– Я чувствую каждый дюйм твоего тела, – жарко шепнул он мне.

Резко толкнув его в грудь, я заставила принца перевернуться:

– Я тоже так хочу, – выдохнула я ему в губы и, не дожидаясь ответа я, перекинув через плечо пылающие в свете све-

чей золотом волосы, принялась поцелуями точно так же путешествовать по его телу, как он это делал со мной: вдоль шеи, по груди, животу, к и без того напряжённому свидетельству его страсти. Пальцы с уверенностью задвигались по его члену, стараясь довести его хозяина до иступления, до сумасшествия.

– Целуй меня! – прохрипел он перед тем, как обрушиться уже ничем не прикрытой, животной страстью. Поцелуй этот был до боли в губах, объятия оставляли следы на теле. Его движения стали яростными, в нём больше не чувствовалось нежности – только желание обладать.

Я закричала, почувствовав, как его член ворвался в глубь этого девственного тела. Боль была настоящей, режущей и острой. В своём теле я такого не испытала – так, лёгкая, тянущая, почти не ощутимая. Зато здесь – просто искры из глаз.

Стараясь высвободиться и отодвинуться, я уперлась руками ему в грудь:

– Хватит! Прекрати! – потребовала я.

Он замер, но и не подумал отодвинуться.

– Пусти меня! Мне больно!

– Потерпи.

Нет, ну что за наглость? Почему я терпеть должна? Не хочу я терпеть!

– Попробуй сама, – шепнул он мне.

– Попробовать – что? – не сразу поняла я.

– Просто двигайся. Всё ещё больно?

Боль стала глуше, словно отдалилась, но до конца не ушла. На всякий случай я просто промолчала. Видимо, он счёл это за согласие продолжить.

– Ещё немного, – прошипел он, медленно насаживая меня на себя. Моё лоно тут же отозвалось лёгкой болью и приятной дрожью, которая словно эхо следовало за болью. Поначалу его размеренные толчки превратились в активные и болезненные. Словно тряпичную куклу меня насаживали на член, всё быстрее и быстрее.

Перестав сопротивляться боли, перестав сопротивляться тому темпу, что он взял, я слилась с ним, подчинилась ему, как вода, принимающая форму сосуда, что она заполняет собой. И вскоре боль ушла, оставляя дикое, необузданное наслаждение. Я никогда в жизни такого раньше не испытывала.

– Ещё! Ещё! Вот так... давай же!

Темп был просто бешеным.

Ничего не осталось, кроме дикого инстинкта и экстаза. Тело будто наполнялось горячей лавой, она текла под кожей, лишая воли, сознания, от удовольствия стало нечем дышать.

С очередным его толчком я словно оторвалась от земли и полетела на упругих, сладких волнах. Словно сердце спустилось вниз, в тугой, влажное, горячее лоно, а потом, как солнце на восходе поднялось на место.

О! Этот сладкий затягивающий жар и предательское тепло внизу живота, от которого ты вся, до кончиков пальцев на

руках и ногах таешь, будто масло на солнцепёке!

Вдох-выдох...

У меня никогда и ни с кем раньше так не было – жадно, страстно, снося все запреты и условности.

Его руки продолжали меня обнимать, прижимать к себе, а я бы с радостью убежала бы от него куда-нибудь и заперлась. Желательно, на несколько замков.

Я не готова была ни к удовольствиям, ни к эмоциям. Не хватало ещё привязаться к незнакомцу, от которого моя предшественница ломанулась, решив пойти туда, не зная куда. И про его четырёх (или трёх, я уже точно не помню) предыдущих жён тоже не стоит забывать. Он ведь их угробил каким-то образом. Да я и без эмоциональной зависимости от него слишком завишу!

Видимо, почувствовав моё изменившееся настроение, Эвил с нежностью и тревогой заглянул мне в лицо:

– Всё в порядке? Я сделал тебе больно? Извини, я не хотел. Но в первый раз всегда так. В следующий раз будет лучше.

– Куда же лучше? Вы подарили мне счастье.

В общем, так оно и было. Я не врала.

Может быть, вовсе не его вина, что я боюсь быть счастливой? Хотя, нет, не так, я не боюсь, я просто... не верю, что получится. Что-нибудь всегда станет той пресловутой ложкой, от которого всю бочку с медом придётся пожертвовать мусоропроводу.

– Если я подарил тебе счастье, то почему у тебя грустный вид?

– Потому что тот, кто своё счастье нашёл, боится его потерять, мой король, – с улыбкой ответила я и, поддавшись вперёд, поцеловала его, на этот раз без страсти, мягко и нежно.

Он вопросительно смотрел на меня, словно хотел прочитать мои мысли. Мужчины не смотрят так на женщин, призванных в их жизнь лишь для утех.

– Ты отличаешься, – выдохнул он задумчиво и нахмурился.

– Отличаюсь? – призрак куда-то подевавшихся жён обступил наше ложе. – От кого?

– Ото всех.

Я разрывалась между желанием спросить о других процессах и страхом всё испортить своим ненужным вопросом. Колебания мои длились недолго. Ни к чему омрачать приятные моменты, их и без того немного. Никуда я не денусь, даже не захочу знать – придётся. Шило в мешке не утаить. Спрошу позже, не сейчас.

– Я надеюсь, это хорошо? – заглянула я ему в глаза.

– И я надеюсь на это. Всем сердцем.

Он резко, рывком поднялся и потянулся к одежде.

– Вы уже уходите? – испуганно спросила я.

– Да.

– Но почему? Я не угодила вам?

– По нашим обычаям муж должен ночевать на своей по-

ловине, а жена – на своей.

Он потянулся к одежде, но я перехватила его руку, прижимая её к груди:

– Не оставляйте меня, мой король! Побудьте со мной.

Он растерянно взглянул на меня, явно колеблясь (к моему внутреннему торжеству).

– Но обычай велит...

– Прошу ваш! Неужели обычай значит для вас больше, чем моё желание ещё чуть-чуть побыть подле вас? Завтра с восходом солнца вы вернётесь к своим делам и будете принадлежать им, а не мне. А пока у нас ещё ночь... и мне так страшно и одиноко здесь одной. Вдали от дома, от родных.

– Ваш дом теперь здесь! – свёл он брови пытаясь отнять руку, и я тут же подчинилась, отпуская его ладонь, не решаюсь перечить, помня бабушкину мудрость «просящему – даётся», а требующему тоже, но часто не то, что тот хочет.

– Да, мой король. Я знаю. И я привыкну к здешним обычаям, обещаю. Но мне будет легче их принять, если я буду знать, что...

– Что?

– Что ночью мой король готов наградить меня за мои старания.

Увидев его улыбку, я осмелела и оплела его шею руками:

– Оставайтесь, прошу вас. Это наша первая ночь, никто не осудит мужа, решившего проснуться рядом со своей женой.

– Остаться? – в чёрных глазах промелькнула смешинка. –

Что ж? Быть может, отдохнув чуть-чуть, ты согласишься повторить наш первый урок, моя очаровательный ученик.

– С радостью, учитель! – засмеялась я.

Обняв меня за талию, он рухнул назад, в объятия шелков, подушек, перин.

И – мои.

Предвкушая повторения удовольствия, я чувствовала себя победительницей. Пусть маленькую битву я всё же выиграла. Пусть это только первая ночь... но за одной ночью последует другая, потом – третья.

Женщина царствует в ночи. Главное не ошибиться. Не показаться алчной, не показаться навязчивой. Держать баланс – как на канате.

Жить и выживать рядом с мужчиной, уметь держать его подле себя шёлковой нитью, чтобы не провисала и не порвалась – это не просто труд, это искусство. И мне придётся овладеть им.

Во-первых, потому что терять Эвила Санистора я не хочу. Я его совсем не знаю как человека, не могу оценить его нравственных качеств и жизненных принципов, и если бы ещё кто-то вчера сказал мне, что я влюблюсь в мужчину только потому что он красавец, силён на поле боя и в постели, я бы покрутила в ответ у виска.

А сейчас это стало моей реальностью. Я не могу сказать, что я его люблю, но я определённо хочу побороться за будущее именно с этим мужчиной.

А второе – только получив его сердце, я, возможно, смогу выжить в этом совершенно незнакомом мне мире. Помним про четырёх куда-то сгинувших жён? Чтобы с ними не случилось в прошлом, Эвил может меня от подобной участи уберечь. Моя броня – его любовь. И мне во что бы то ни стало необходимо добыть эти доспехи.

Глава 10

Проснулась утром я от поцелуя Эвила и спросонья нехотя открыла глаза, но наткнувшись на его улыбку тут же очнулась.

– Анжелика? – ласково провёл он большим пальцем по моей щеке. – Мне нужно уходить, но я хотел ещё раз заглянуть в твои глаза, что глубже горных озёр, таких же чистых и холодных.

– Холодных? – возмутилась я, отвечая на его поцелуй и, к моему счастью, он не стремился быстро вырваться из моих рук.

На мгновение он вновь опустился на подушки, а я прижалась щекой к его горячей груди, слушая, как равномерно и сильно бьётся его сердце.

– Так не бывает, – выдохнула я.

– Как?

– Хорошо. И просто так. Так не бывает!

Он засмеялся, ласково проведя ладонью по моим волосам:

– Что ты знаешь о жизни, маленькая принцесса, чтобы бояться счастья?

– Мне хорошо с тобой, и нашему счастью нет никаких препятствий. Но так ведь не бывает?

– Почему?

– Счастье – это величайшее сокровище. Верно?

– Верно, – подтвердил он, продолжая гладить мои волосы.

– Там, откуда я родом, верили, что сокровище стерегут драконы, и чтобы его обрести, приходится сражаться. Ничто не даётся даром.

– Я кажусь тебе счастьем, моя маленькая принцесса? – усмехнулся он.

– Я была счастлива с тобой этой ночью. Это всё, в чём я могу быть точно уверена сейчас.

– Ты можешь быть уверена так же и в том, что эта ночь повторится. Но сейчас я должен идти.

– Оставить меня? – с наигранным укором покачала я головой, отстраняясь с лёгким вздохом.

– Увы! Меня ждёт Атэйрон, – Эвил сделал ударение на второй слог. – Мы должны обсудить одно серьёзное дело до того, как соберётся Совет.

– Атэйрон? Тот молодой человек в чёрном, что стоял за твоей матерью?

– О! Ты его заметила? – с лёгким сарказмом протянул Эвил. – Заметный малый, да? Мне стоит начать ревновать?

– Это ведь его молва окрестила Чернокнижником? Он и правда колдун?

– Странно, что ты задаёшь такие вопросы. Да, дорогая, мой брат колдун. Как и моя мать. Как и вся их кровная линия.

– Твой брат? – поразилась я.

– Ты сейчас притворяешься или разыгрываешь меня,

принцесса? – губы Эвила улыбались, но взгляд потемнел. –
Всему Девитицарствию широко известна эта история, как
умирающий молодой человек, брошенный предателем-царе-
дворцем в Змеиной Пустоши, выжил благодаря чёрной кол-
дуньи и в благодарность за спасённую жизнь взял её в жёны,
несмотря на то, что она уже имела ребёнка.

– Что?.. Я не знала. Я правда... хотя, может быть, раньше
и знала, но я всё забыла после травмы.

– Какой травмы? – широко распахнул глаза Эвил, прони-
цательно уставившись на меня.

– Если честно, то я даже и не знаю. Я пришла в себя и всё
забыла. Я и теперь ничего не помню. Жизнь как с чистого
листа.

– Мне не доложили об этом.

– Конечно. Наверное, боялись, что вы откажетесь от бра-
кованной принцессы. Я расстроила вас моими признаниями,
мой король.

– Только если травму будет опасной для тебя.

– Я в порядке. Своё имя я помню и ваше тоже выучила.

– Действительно, что может быть лучше?

– Разве не о такой жене мечтает каждый мужчина? Полу-
чить её сознание девственно чистым и заполнить нужными
понятиями? – насмешливо спросила я и тут же сама себя
одёрнула.

Чего это я тут разговорилась? А вдруг с королями в Тем-
ной Цитадели так не принято? Ну да ладно. Разыгрывать из

себя покорную куклу с мягким голосом всё равно долго не получится. Где-то истинный темперамент да прорвётся?

– Я велю придворному лекарю осмотреть тебя.

– Это не обязательно...

– Это не обсуждается.

Вот ведь я дурная Фроська? И чего бы мне просто не промолчать? Сама ж подставилась! Терпеть не могу медосмотры, но придётся терпеть. А ещё – нужно последить за своим языком, не забывать, что я теперь буду существовать в мире, где за неправильно сказанное слово можно и головы лишиться.

Мы-то в своём 21-ом счастливы не только за слова, но и за действия через раз ответ держать. Сложно мне будет.

– Ну, если не обсуждается, тогда благодарю за заботу.

Он засмеялся, легко поднимаясь с кровати.

– Поцелуй меня ещё раз, жена. На удачу! Пусть твой поцелуй станет моим талисманом.

– Охотно, дорогой мой муж!

И я радостно выполнила обещание, прикасаясь к его ласковым губам и вдыхая горьковатый, тёплый запах. Обняв меня на мгновение в ответ, он отстранился.

– До вечера, моя маленькая принцесса. Пусть день твой будет светел.

– До вечера, любовь моя, – протянула я ему руку, и мой король пожал её на прощание перед тем, как выйти.

Счастливая и довольная, я перевернулась на постели и за-

крыла глаза. Если бы я была кошкой то, наверное, мурлыкала бы. Никогда ещё я не чувствовала такой полноты жизни, словно воздух и солнце протекали через меня, наполняя энергией каждую клеточку тела.

А приподнявшись на локтях я с удивлением и смущением поняла, что в комнате я больше не одна – у дверей, опустив глаза вниз и сложив перед собой сцепленные руки, стояли две девушки, а посередине – высокая и худая женщина с ярко подведёнными глазами. В первый момент я с ужасом подумала, что это мать Эвила, там самая дама с занавешенным лицом и жуткими глазами, но в следующей момент расслабилась. Если наблюдательность мне не изменяет (а она не изменяет) мать моего короля была ниже ростом и куда изящней. Это, по всей видимости, её поверенная или служанка.

– Доброе утро, – улыбнулась я девушкам.

В ответ они поклонились.

– Доброе утро, госпожа, – отозвалась женщина. – Это Мирайя и Суокэ. Они будут прислуживать вам, стараясь во всём услужить. Можете распоряжаться ими по своему усмотрению. Королева-мать Хатериман выбрала их для вас на первое время, исходя из собственных вкусов и предпочтений, но, если вы останетесь недовольны или пожелаете взять в услужение других девушек – воля ваша и ваш приказ. Всё будет сделано.

– Благодарю, – кивнула я. – Я полностью доверяю выбору Её Величества. Как мне обращаться к вам?

– Танитисан, госпожа.

– Передайте мою благодарность Её Величеству королеве-матери за её высочайшую заботу.

Женщина склонила голову.

– Госпожа приглашает вас в свои покои, разделить с ней чайную церемонию. Она будет счастлива поближе узнать свою невестку. Что мне ответить моей госпоже?

– Я счастлива принять приглашение и прейду сразу же, как только соберусь.

Кланяясь, женщина попятилась и вышла из комнаты сразу же, как стоящие за дверями стражники распахнули её.

– Помогите мне собраться, – кивнула я девушкам. – Да постарайтесь получше! Второй раз впервые предстать перед свекровью вряд ли получится.

Вряд ли девушки поняли, кто такая свекровь. Но от них понимать и не требовалось. А дело своё они знали отлично, и то, что я не до конца понимала, мне подсказали.

Например то, что яркие краски в одеждах предназначались для встречи короля в приватной обстановке. А на все остальные случаи существовала одежда куда менее броских расцветок.

Но хоть убейте, горчичный цвет, что для меня подобрали, мне категорически не шёл, хоть и был по-своему благороден.

Признаться, я волновалась. Я совсем не знала мать Эвила, но интуитивно угадывала, что в этой женщине могут найти как сильного союзника, так и непримиримого врага.

При других обстоятельствах сама возможность погулять по таким шикарным апартаментам, с непривычки напоминающим отлично декорированный лабиринт, стало бы чистым удовольствием. Чем-то отдалённо изнутри дворец напоминал кадры из Великолепного Века и можно было при желании вообразить себя Хюрем. Кстати, отличный образец для подражания. Рабыня, ставшая в один ряд с царицами и имевшая власть больше, чем её европейские современницы и это в стране, где женщина стояла после полового коврика!

Я так волновалась, что даже не запомнила дороги, которой мы шли. Меня охраняли мои служанки (или сопровождали? Или стерегли? Тут как посмотреть).

Мы подошли к двум запертым дверям, по бокам над которыми горели факелы и сторожили дверь стражники. При моём появлении оба бравых воина склонили головы и толкнули створки, распахнувшись внутрь.

Переступив порог комнаты, я оказалась не в замкнутом помещении, как рассчитывала, а в ярком цветнике, центром которого являлась скульптурная группа и высокий фонтан, разбрызгивающий фонтаны воды под открытым небом. Прямо на плитах, у фонтана, разостлали ковёр и мать принца Эвила, Хатериман, сидела на нём, на земле, закутанная в белый шёлк, как в саван. Материал покрывал всю её фигуру, с головы до ног и в то же время был лёгок и трепетал от малейшего дуновения ветерка.

На сей раз лицо её ничто не скрывало, и я с интересом

вглядывалась в лицо матери моего мужа. И нашла его не просто красивым, но весьма и весьма интересным. Такие лица легко западают в память.

Она была смуглой, кожа имела оливковый оттенок и теперь не оставалось сомнения от кого Эвил и его брат-чернокнижник унаследовали чёрные, прожигающе-огненные пламенные глаза. Но у Хатериман они не были горячими. Матовые, глубокие и, как ни странно, холодные, они были оценительно устремлены на меня.

– Юная принцесса Анжелика, приветствую тебя. Мы рады тебя видеть. Проходи, сядь с нами.

Она говорит о себе в третьем лице? Любопытно? Но кто знает, может, тут так положено особенно царственным особам.

Я, покорно приблизившись, села. Наверное, нужно что-то сказать в ответ? Но я понятия не имела о местном этикете.

Я не то, чтобы робкого десятка, но под взглядом этой женщины робела, хотя даже огненные взгляды её царственного сына не особенно смущали.

Она перевела цепкий взгляд с меня на сопровождающих девушек. Кажется, я всё-таки что-то сделала не так?

– Простите, госпожа, – пролепетала Мирайя, – я не успела обучить её нашим правилам.

– Это не страшно. На этом свете много мест и в каждом из них свои правила. Умный человек всегда стремится познать чужие обычаи и взять от них лучшее. Принцесса Анжели-

ка, – она словно попробовала моё имя на вкус и покачала головой. – Слишком чуждое место для этой земли. Я подберу тебе другое. Тайима, в переводе с праязыка моих отцов, это означает – Огненная Заря. Что скажешь? – обратила она на меня по-змеиному бесстрастный взгляд.

– Замечательное имя. Звучит очень красиво. Но при всём уважении, зачем оно мне? Я вполне довольна своим.

– Твоё имя означает – ангел? Светлый и нежный. Ты похожа на ангела. Но в здешних местах такие не выживают.

– А что не так с этим местом? – я постаралась улыбкой смягчить слова, которые можно было бы принять не слишком любезно.

– Мне донесли о том, что принцесса Ванхелия утратила память. Должно быть это правда?

– Чистейшая, – подтвердила я.

– Что ж, память – это поправимо. Лишь бы разум не потеряла, – пренебрежительно проговорила женщина. – Я напомним, что Тёмная Цитадель названа так не случайно. Здесь проходит рубеж, тонкая грань, между миром людей, зелёных полей и синих вод и миром огненной пустыни, за которой Чёрные Горы порождают тёмный дым в горниле своих вулканов, выпуская на свет чудовищ, что не приснятся и в самых страшных кошмарах.

Речь, прямо скажем, не очень. Я почему-то так и думала, что отношения у нас сложатся не очень. Но зачем же так сразу о кошмарах-то, а?

– Здесь, в Тёмной Цитадели бьётся сердце мира. Каждый зовёт это, бесспорно великое место, по-своему. Одни называют его Адским Огнём, другие, зная, что оно уничтожит или сокрушит всё, что брошено в него – Тропой Власти, а третьи со страхом произносят – Злой Рок. По дороге к величию буквально на каждом шагу тебя подстерегают бездонные пропасти – стоит упасть в одну, и ты уже не выберешься. Огненная Земля, Земля Драконов – место это сжигает души людей дотла. Узкая тропа между Адом и Раем. Но отсюда есть шанс попасть и совсем в другое место. На это есть только один шанс – второго не будет.

– Я не понимаю, зачем вы мне всё это говорите? – взволнованно спросила я. – Как мне толковать ваши странные речи? Это угроза? Или предупреждение?

Хатериман откинулась на подушки, облокотившись на одну из них, с холодной насмешливостью взирая на меня:

– Зачем мне тебе угрожать, девочка? Угрожают тогда, когда хотят напугать.

Она щурилась, не сводя с меня взгляда, словно оценивая мою реакцию на свои слова:

– Мне пугать тебя ни к чему.

– Тогда, выходит – предупреждение? – тряхнула я головой. – Но я, признаться, не очень сильна в метафорах. И было бы проще, если бы вы выражались яснее. Мы быстрее пришли бы к взаимопониманию.

Она улыбнулась одними губами, а взгляд оставался по-

змеиному бесстрастным:

– Не сильна в метафорах? А в чём же ты сильна, Тайима?

Я дёрнулась, услышав чуждое и в чём-то угрожающее имя, будто шёпот из темноты – тьма, тьма...

– Моё имя Анжелика, – невольно дыхание моё участилось, то ли от гнева, то ли от страха – сама не могу понять.

Хатериман, заметив моё состояние, тихо засмеялась:

– Не упрямясь. Смена имени только на пользу женщине. Мы же как змеи. Мы – как змеи, мужчина – как львы. Змеи сбрасывают кожу и начинают жить сначала, каждый раз по-новому, иначе нам не выжить. Со старым именем умирает старая суть, чтобы новая могла жить. Я тоже не всегда была Хатериман – Смертоносным Тайфуном. Я родилась Анириэлью – Розовым Цветком Зари. Потом меня продали колдунам пустыни и меня окрестили Сахрой – Ядовитым Плющом. А потом там, в далёкой выжженной земле, где ничто живое долго не живёт, я встретила мальчика с синими глазами, которому должен был принадлежать мир, но вместо царственный тиары ему принадлежало рубище. Я не думала о царстве, не думала о силе. Я всего лишь хотела, чтобы он жил. Потому что ничьи другие глаза не были такими синими. Ради него я признала моё черное наследие и приняла Тёмный Дар моей крови. Я заставила их служить ему. Он хотел трон и свои земли, а я хотела, чтобы он был счастлив. Так началась новая война. В которой мой синеглазый король умер. И теперь уже его сын – мой сын, хочет владеть миром.

Мне мир не нужен, но я хочу, чтобы мой сын был счастлив. А значит война продолжается. И в этой войне больше нет ни Розовых Цветов Зари, ни Ангелов.

Значит, всё-таки её слова – предупреждение. Но какое-то не радостное.

– Не беспокойся, – голос Смертоносного Тайфуна смягчился, стали тихим, как шёпот ручейка по камушкам. – Твоё будущее может быть безоблачным. Я уже сказала, что по одну сторону от тропы – ад, но по другую – рай. Сумеешь подчинить дракона, и станешь госпожой, которую никто не сможет потеснить в сердце моего царственного сына.

– Подчинить дракона? – нахмурилась я. – Что значит – подчинить дракона?

Она что, драконом своего сына величает? И пытается наставить меня на путь истинный, дать совет? Это было первой моей мыслью.

Хатериман поднялась легко, словно бы ей было не больше восемнадцати. Она вообще прекрасно сохранилась, я бы не могла определиться с возрастом этой женщины.

– Иди за мной, – приказала она.

Глава 11

Мне приказала, и я пошла, естественно. Что ещё я могла сделать? «Она была горда и никогда не покорялась судьбе и обстоятельствам», – звучит красивой характеристикой, но, увы, не про меня. Я конформист и не люблю конфликтовать, да и вообще – королеве-свекрови не откажешь. Да и любопытство никто не отменял.

Мы вошли в очередной коридор, спускающийся всё ниже и ниже. Потом прошло по подземному ходу (подземелье да подвалы ни с чем не спутаешь), и вышли в место, с первого взгляда напоминающее амфитеатр. Солнце свободно вливалось сверху в воронку, ничем сверху не закрытую, через которую можно было глядеть в небо, которое, когда стоишь на дне этой ямы кажется невероятно далёким.

– Куда мы идём? – не удержалась я и задала вопрос.

– Сама как думаешь, что это?

– Драконье Логово?

Словно только и дожидаясь моих слов, из полумрака у дальней стены шевельнулась тень.

Нужно сказать, что помещение было огромных размеров. Его края почти утопали в тени, а величиной оно было в два объединённых стадиона. Слух уловил скребущиеся тяжёлые звуки и свистящее дыхание.

А потом я увидела огни. Красные угли и в первый момент

отпрянула – из темноты выдвинулась шипастая морда. Всё, что я видела это алые глаза, отливающие лёгкой синевой обнажившиеся клыки, между которыми кто-то зажёл газовую горелку с синим пламенем.

– О, Господи!

– Спокойно, – тихо прозвучало в ответ, и я не поручусь, что относилось это ко мне, а не к чудовищу, таящемуся в темноте.

Драконьи ноздри трепетали, зубы скалились, а гребень на голове угрожающе встал дыбом, возвышаясь над головой, словно корона.

– Тихо, Молния, тихо, – проворковала королева и, вытянув руку, уверенно двинулась вперёд.

Более жутких и свирепых тварей я вообразить себе никогда не могла. Они что-то урчали на своём, рептильем волшебном драконьем языке. Мне казалось, что они говорили «оставь надежду всяк сюда входящий» и «забирай свои вещи и беги, беги, беги!». Короче, что-то очень грозно-угрожающее, и от вибрирующего звука, текущего из их пасти, хотелось пасть ниц и воздеть руки горе.

Хатериман коснулась ладонью шипастой бронированной кожи «а-ля большая крокодила» с нежностью, обращённой обычно к кошкам:

– Хорошая девочка! Тайима?

Я не сразу поняла, что это мне.

– Подойди сюда.

О, нет! О нет-нет-нет и нет.

Но я медленно пошла. Не думать. Так проще не бояться. Если Хатериман меня зовёт, значит знает, что это безопасно. Если только заранее не решила скормить меня этим шипастым крокодилам с крыльями.

– Погладь её.

Дракон зыркнул на меня так, словно он не дракон, а василиск, и я почувствовала, как обращаюсь в камень. Какой там погладить?! Я едва дышала от ужаса.

А глаз был рядом с моим. Огромный, с золотистой каймой и узким зрачком-лезвием. А под глазом (мама-дорогая!) пасть – распахнутая и урчащая! И всё это великолепие выглядело крайне недовольным, раздражённым, готовым укусь, что, учитывая размеры Чуды-Юды, грозило неминуемой смертью. Одно хорошо, учитывая все те же размеры, быстрой. Недаром Молнию названии Молнией: кусь – и всё!

Голову проглотит сразу, а ножки ещё немного подрыгаются, как у курицы, что убежала от своего палача, забыв в его пальцах голову.

– Погладь. Она должна привыкнуть к твоему виду, к твоему запаху. Постарайся с ней подружиться.

Нет, я за сотрудничество и взаимопонимание всем сердцем. Но я не собираюсь дружить с драконом. Укрощение хищников – ну не моё это, не моё! Я как-то больше по книжкам, по цифрам, по архивной пыли. Анализ там какой сочинить, вывод сделать.

Даже в полумраке я ощущала на себе взгляды. Особенно жгучим он был, как ни странно, у свекрови.

– Мой сын сказал, что ты особенная.

– Да? – оживилась я.

– Он ошибся. Ты обычная смазливая девчонка.

Стало обидно.

– Вы так решили потому, что я не питаю нежных чувств к драконам?

Видимо, среагировав на мой тон, твари со всех сторон зашипели громче.

– Разве, чтобы быть особенной, я обязана их любить?

Хатериман угрожающе шагнула ко мне:

– Глупая девчонка! Ты ещё дерзить мне надумала?

Я бы, может, и надумала, но обстоятельства против меня.

– Нет, что вы, я просто...

– Тут нет ничего простого. И ответ на твой вопрос – да. Ты обязана любить драконов.

– Не хочу выказать неуважение, но я замуж шла не за этих чудовищ. Они откровенно меня пугают. Я ничего против них не имею, если Его Высочество желает иметь экзотических зверей, это его дело, но я...

– Драконы – не звери.

Ладно. С любителями зверюшек и фанатичными матерями всегда не просто.

– Как вам будет угодно, – согласилась я таким тоном, чтобы каждому было ясно, что я делаю это лишь из вежливости.

– Ты должна понять это чтобы выжить. Я разговариваю с тобой сейчас потому, что мой сын хочет, чтобы ты выжила и стала *той самой*. А чтобы выжить, ты должна приручить дракона, но этого не сделать, если ты будешь смотреть на них как на опасное, страшное, но всего лишь животное. Драконы – гораздо больше, чем зверь.

Я притихла. Кажется, все хуже, чем мне сразу подумалось. Меня не проверяют на шивость и крепость. Меня снабжают нужной информацией.

– Кто же такие эти драконы?

– Демоны из преисподней. Их в Бездне много. Огненные элементали. Ты понимаешь о чём я говорю, девочка?

– Приблизительно.

– Всё живое порождает себя само. Драконов же маги призывали в этот мир искусственно. Вернее, их призвала пять веков назад моя прародительница.

– Зачем?

– Разве ответ не очевиден? Разве может существовать стражник, защитник и охранник сильнее, чем они? Она создала их, чтобы драконы ей служили. А позже – её детям. Но всё, что существует по эту сторону Грани имеет положенный ему предел. Поэтому приходит время, когда дракон развоплощается. Умирает, по-нашему. Как правило, это происходит тогда, когда разрушается связь с его хозяином.

– Всадником?

– Можно сказать и так. Хозяин становится его источником

силы. Привязанный таким образом к нему дракон не способен навредить, потому что получается нечто вроде симбиоза.

Я слушала очень внимательно, пытаюсь понять, к чему все эти подробности. То, что моя царственная свекровь просто так слов на ветер бросать не станет, я уже поняла.

– Иногда случается, что молодой дракон переживает своего всадника и тогда он ищет нового хозяина. Есть и ещё один нюанс – ловушка, которых там много в мире магии и колдовства. Она касается воспроизводства драконьего потомства.

Хатериман вопросительно на меня взглянула:

– Ты знаешь, как размножаются драконы?

– Вылупляются из яйца?

– Именно. Но чтобы отложить эти яйца, им нужен партнёр. Как и людям. Только в драконьем случае всё несколько сложнее, чем с людьми. Драконы могут спариваться сколько угодно между собой, но оплодотворение происходит лишь в том случае, если парой становятся самка и самец всадников, составляющих между собой пару.

– Почему? Какой в этом смысл?

– Не спрашивай меня о смысле. В этом случае его либо нет, либо он мне неизвестен. Не я создала драконов, хоть они и привязаны к моей кровной линии, но игра идёт не по моим правилам, я лишь следую им.

– Почему вы всё это мне говорите? – упавшим голосом спросила я, хотя уже в глубине сердца сама знала ответ.

– Мой сын только вначале пути. Ему предстоит провести

множество сражений, пережить много битв. Ему нужны драконы, Тайима. А у драконицы до сих пор нет всадницы.

Подобрав свои длинные белые одеяния, Хатериман направилась в сторону двери, небрежно бросив через плечо:

– Теперь ты понимаешь, почему тебе так важно любить драконов? Только настоящей любовью можно обезоружить порождения Бездны, ни хитростью, ни силой их не взять. Демоны подчиняются только тому, кого любят. Правда, беда в том, что истинный демон знает, в чём его слабость и будет избегать любви до последнего. К счастью, драконы – лишь адские искры, с ними проще.

– Проще?.. – у меня дрожали руки от осознания того, что мне предстояло. – Проще?! Именно это случилось с другими девушками до меня? Их убили драконы?

– Увы! Они не справились со своей задачей и не достигли цели.

– Как вы жестоки! Неужели у вас не найдётся даже сочувствия?..

– Жестока? Может быть. Хотя меня разочаровывает, что ты так думаешь. Выходит, ты ещё и глупа.

– Какой странный вывод! С чего бы?

– Мир не жесток и большинство людей вокруг тебя – тоже. Они не хотят тебе зла, но и твоё благополучие не их забота. Просто каждый из нас преследует свои цели и часто другие люди всего лишь инструменты в их достижении. Я не желала смерти девочкам, как не хочу и твоей гибели, иначе

я не тратила бы на тебя столько времени. Мне нужны новые драконы. А моя драконица сможет дать новый прирост лишь тогда, когда найдёт себе госпожу и та станет истинной парой для моего сына. Рано или поздно такая найдётся.

– Рано или поздно?! То есть на то, скольких из нас придётся убить, вам наплевать?

– Грубо. Но это так. Мне наплевать. Для меня значение имеют лишь мои сыновья, потому что я люблю их. А весь остальной мир – лишь фон, на котором я вижу дорогие для меня лица. У тебя есть шанс стать частью моей семьи или рассыпаться пеплом под огненным дыханием драконов. Всё зависит лишь от тебя, Тайима. Такова жизнь – либо ты подчинишь драконов, либо станешь для него пищей. Рано или поздно каждый из нас находит чудовище, что ему не по зубам. Даже если нам удаётся избежать всех жизненных угроз, в конце пути каждого ждёт старость – чудовище, против которого бессильны и сталь, и огонь. Так что жалость – это глупость. В мире все несчастны и все смертны. Тут не о чём жалеть.

Она двинулась дальше и белый шлейф её платья скользнул по моим ногам:

– Покори дракона, девочка или покорись своей судьбе. Всё в твоих руках.

Глава 12

Сказать, что я вернулась расстроенной – это не сказать ничего. Как говорят у нас, простых землян – я в полном шоке. Ну, это если ещё цензурно выражаться. Нет, красивый мужик с короной на голове – это плюс, но то, чтобы добиться его-красивого, нужно очаровать дракона – это существенный минус.

Полюбить дракона, как и покорить дракона – это всё было для меня немного «слишком». Подвиги – это не ко мне. Я спокойный человек умеренных амбиций.

Меня одолевал страх, меня распирало от злости и ничему из этого в сложившихся обстоятельствах я не могла дать выплеснуться. Всё, что оставалось, покорно топать за свекровью. А кто рискнёт такой слово поперёк сказать? При ней вон драконы – и те присмирели.

Но если я думала, что неприятности ограничатся новостями о драконах и бывших жёнах, ну, и естественно, разговора с любимым мужем, который непременно должен был за этим последовать – я ошибалась.

Утро выдалось прелестным. Сюрпризы сыпались один за другим и каждый новый горячее предыдущего.

Мне хотелось хоть одним глазом взглянуть на Эвила. Мне уже начало казаться, что с момента нашего расставания прошла целая вечность и я никак не могла вспомнить его ли-

ца. Помнила горячие поцелуи, сводящие меня ума, умелые страстный ласки, опьяняющие проникновения. Но черты лица словно смазывались перед глазами и это меня огорчало.

Я так мало знала моего мужа. Он был незнакомцем и мне отчаянно хотелось взглянуть на него прямо сейчас. Понаблюдать со стороны, понять, что он за человек – враг ли он? Может ли стать другом или хотя бы союзником? Одна, пусть и самая страстная ночь – это ещё не любовь. В постели можно оказаться и с врагом, но вот любить врагов – дело посложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.